Kritik

Die Stimme des Volkes

Herausgeber: Thies Christophersen, 2341 Kälberhagen Post Mohrkirch, Telefon (0 46 46) 888

KRITIK-Folge Nr. 23 1978

Тис Кристоферсен

Ложь об Освенциме

Das Tor zum Konzentrationslager in Auschwitz

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Брошюра "Ложь об Освенциме" (нем. Die Auschwitz-Luge — Ein Erlebnisbericht von Thies Christopherson) немецкого фермера Тиса Кристоферсена, который с января по декабрь 1944 года трудился в филиале Освенцима — Райско над созданием растительного каучука и бывал как в Освенциме так и в Биркенау, была опубликована в 1972 году. Кристоферсен простым языком описывает в ней своё прошлое и утверждает, что в Освенциме не было ни газовых камер, ни других средств массового уничтожения. Он отрицает, что в Освенциме и других концлагерях имело место уничтожение людей, и сообщает, что заключённые находились в настолько удовлетворительных условиях, что даже пели песни во время работы. После издания брошюры он получил тысячи писем от бывших узников лагеря и очевидцев, подтверждающих его доводы. Кристоферсен описывает Освенцим как лагерь, в котором заключенному нужно было работать, но в котором, однако, можно было жить. Кое-кому, кто до сих пор узнавал о концентрационных лагерях Третьего Рейха исключительно из единообразно управляемых средств массовой информации, это сначала покажется невероятным. Однако, книга Кристоферсена поспособствовала тому, что частично такое описание Освенцима уже вынуждены были признать официально.

Хотя "Ложь об Освенциме" не претендовала на научность, эта небольшая книжка сыграла важную роль в истории ревизионизма, так как подтолкнула к другим, более серьезным ревизионистским работам и стала одним из наиболее важных документов для переоценки истории Освенцима.

Через несколько лет после издания брошюры Тис Кристоферсен писал:

"Когда я писал свой рассказ "Ложь об Освенциме", я был подвергнут критике на том основании, что, хотя я был в лагере и не видел никакого массового умерщвления газами, этот факт вовсе не означает, что его не было…

Я получил тысячи писем и звонков. Многие из тех, кто связался со мной, может подтвердить мои заявления, но боится сделать это публично. Некоторые из них являются эсэсовцами, которые подвергались жестокому обращению и даже пыткам в плену союзников.

Я немедленно связался с теми, кто утверждал что хорошо знает о массовом умерщвлении газами. Мой опыт оказался точно таким же, как у французского профессора Поля Рассинье. Я не нашел ни одного свидетеля, видевшего это своими глазами. Эти

люди говорили мне, что они знали что некто знал кого-то кто говорил об этом. В большинстве случаев предполагаемые очевидцы умерли. Другие свидетели немедленно начинали заикаться и запинаться, когда я задавал несколько точных вопросов.

… Наши исследования могут быть запрещены. Мы можем быть брошены в тюрьму. Наша почта может быть проверена. Мы можем быть атакованы с огнем и взрывчаткой. Наши дома могут быть найдены. Мы можем получить отказ в получении работы или уволены из наших рабочих мест. Мы можем быть оклеветаны, высмеяны и гонимы, как первые христиане. Но мы будем страдать и терпеть все это — и наши враги, таким образом, достигнут прямо противоположное своим намерениям. Их действия заинтересовывают других в том, что мы делаем. Я верю в правду и справедливость, и я знаю, что в один прекрасный день они восторжествуют".

- Тис Кристоферсен
- Пропаганда ужасов против Германии
- Предисловие адвоката Манфреда Рёдера
- Предисловие доктора Штэглиха
- ЛОЖЬ ОБ ОСВЕНЦИМЕ
  -
  - Вынужденное молчание
  - Кок-сагыз
  - Жизнь в лагере
  - Ольга
  - Лагерь смерти?
  - Отчет Красного креста, широкое распространение которого не было позволено
  - Послесловие
- Свидетель доктор Георг Конрад Морген
- Никаких «газовых камер»
- Во что-то в этом роде верят
- Свидетельства бывших заключенных концлагерей
- Шпрингеру не нужны никакие свидетели
- Письма читателей
- «Лживая пропаганда» — Только с чьей стороны?

Тис Кристоферсен
Ложь об Освенциме

Пропаганда ужасов против Германии

Фридрих Гримм

БОЛЕЗНЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Опустошительное воздействие пропаганды осложняет для людей, в том числе и благожелательно настроенных, осознание и обсуждение подлинных процессов настоящего времени. Она уже в течение последних лет Первой мировой войны и после нее создавала сложности для нас.

«В мае 1945 года, через немного дней после крушения, у меня состоялся примечательный разговор с одним видным представителем противоположной стороны. Он представился мне как университетский профессор своей страны, который хотел побеседовать со мной об исторических основах войны. Между нами состоялась беседа высокого уровня. Внезапно он остановился, показал на листовки, которые лежали передо мной на столе, те, которыми нас буквально затопили в первые дни осле капитуляции, и которые касались преимущественно ужасов концлагерей. «И что Вы скажете об этом?», спросил он меня. Я ответил: «Орадур и Бухенвальд? В моем случае Вы ломитесь в открытые двери. Я адвокат и осуждаю несправедливость, где бы я с ней ни сталкивался, но больше всего однако, если она происходит на нашей стороне. Тем не менее, я умею делать различие между фактами и политическим употреблением, в котором их используют. Я знаю, что такое пропаганда ужасов. Я прочитал все публикации Ваших специалистов об этом вопросе после Первой мировой войны, работы бюро лорда Нортклиффа, книгу французского министра финансов Клотца «От войны к миру», в которой он изображает, как изобрели сказку об отрубленных детских руках и какую пользу извлекли из этого, просветительские статьи журнала «Crapouillot», которые сравнивали пропаганду ужасов 1870 с пропагандой измышлений о зверствах 1914-18, и, наконец, классическую книгу Понсонби: «Ложь на войне». Там разоблачается, что уже в прежней войне были журналы, в которых с помощью фотомонтажа с куклами представляли горы трупов. Эти картинки потом распределялись. При этом подписи к ним не было. Ее позже добавляли по

телефону из пропагандистского центра по мере необходимости».

При этом я вытащил одну из листовок, которая изображала якобы горы трупов из концлагерей, и показал ее моему посетителю, который рассматривал меня с озадаченным видом. Я продолжал: «Я не могу вообразить, что на этой войне, на которой все оружие стало настолько совершенным, стали бы пренебрегать этим духовным ядовитым оружием, сыгравшим столь решающую роль в Первой мировой войне. Больше того, я знаю это! Я в течение последних месяцев перед крушением ежедневно читал иностранную прессу. Там из одного центрального ведомства сообщалось о немецких ужасах. Это происходило по определенному циклу. Там одна оккупированная территория сменяла другую, сегодня Франция, завтра Норвегия, потом Бельгия, Дания, Голландия, Греция, Югославия и Чехословакия. Сначала это были сотни мертвецов в концентрационных лагерях, потом, когда спустя шесть недель снова упоминалась та же страна, уже тысячи, затем десятки, потом даже сотни тысяч. Тысячи, потом десятки, затем даже сотни тысяч. Тогда я подумал: Все же, до миллиона эта инфляция чисел не может дойти!»

Тут я взял другую листовку: «Здесь у Вас уже миллион!» Тогда мой посетитель взорвался: «Я вижу, что попал к компетентному человеку. Теперь и я тоже хочу сказать, кто я такой. Я не университетский профессор. Я из того центра, о котором Вы говорили. В течение месяцев я занимаюсь тем, что Вы правильно изобразили: пропагандой ужасов — и с ее помощью мы одержали полную победу». Я ответил: «Я знаю, и теперь Вы должны прекратить!» Он возразил: «Нет, теперь мы только начнем по-настоящему! Мы продолжим эту пропаганду ужасов, мы усилим ее, до тех пор, пока никто не станет больше воспринимать ни одно доброе слово о немцах, пока не будет разрушены все симпатии, которые были у них в других странах, и пока немцы сами не запутаются так, что они больше не будут знать, что они делают!» Я закончил беседу: «Тогда Вы возьмете на себя очень большую ответственность!»

Взято из книги ПРОФЕССОРА ДОКТОРА ФРИДРИХА ГРИММА: "Политическое правосудие — болезнь нашего времени", издательство К. В. Шутц КГ, Пройссиш-Ольдендорф

Предисловие адвоката Манфреда Рёдера

«Продолжайте, все же, ради Бога заниматься порнографией и борьбой против одичания нравов, но не вмешивайтесь в политику. И вообще, что должно значить это занятие прошлым. Ведь Вы же вовсе не хотите оправдывать национал-социализм или отрицать преступления прошлого?»

Такие заклинающие призывы исходили от очень хороших друзей, после того, как я впервые связал слово Освенцим и пропаганду ужасов. И один честно озабоченный священник писал: «Я должен сказать, что меня немного пугает Ваш поворот в сторону политического правого радикализма. Но я сохраняю свою привязанность к Вам, так как я Вас знаю».

Меня обрадовало такое доверие. Но я испугался констатации того, что любое выступление за правду и справедливость приравнивается в Германии к политическому правому радикализму. Да, как охотно я оставил бы в покое прошлое, если бы все стороны обещали взаимное прощение и забвение, как происходило в мирном договоре после Тридцатилетней войны. Ничего нельзя было больше трогать и никого преследовать. Поистине, героическое характерное достижение в духе Христа! Как, однако, обстоит дело теперь? Где прощение, где забвение, где излечение? Только с немецкой стороны, особенно со стороны изгнанников, снова и снова предложенные и подтвержденные действиями. Но что делает противоположная сторона?

Немецкое имперское правительство было противозаконно отстранено от власти. Немецких офицеров, которые не делали ничего иного, кроме как выполняли свой долг, и по своему характеру намного превосходили союзников, садистски душили, но ни один солдат или партизан противника не попали под суд из-за военных преступлений. Немецкая подсудность и поиск правды стали невозможными.

Только победители могли творить суд и писать историю. В любой другой стране преследование за военные преступления сразу было запрещено. Зато предполагаемые преступления немцев не только преследовались самым жестоким способом и в обход всех международных правовых принципов, но и принцип срока давность за так называемые немецкие военные преступления или геноцид определенно был отменен, чтобы можно было мстить немцам до дня Страшного суда.

Так коварные партизаны стали народными героями, а

немецкие офицеры, которые защищались от них, — военными преступниками. Федеральное правительство приказало не публиковать или уничтожить 14 томов документации о преступлениях по отношению к немецким военнопленным и гражданским лицам.

Теперь премьер-министр Израиля Голда Меир сообщила с недвусмысленной ясностью, что никогда не будет «абсолютно нормальных отношений между Германией и Израилем». Как можно оставить в покое прошлое, которое ежедневно снова и снова трогают и применяют против нашего народа? Все школы распространяют и дальше ложь об ужасах концлагерей. Так, как раз сейчас под покровительством гессенского премьер-министра в Висбадене в целях пропаганды устроили выставку «Концлагерь Заксенхаузен» с давно опровергнутой ложью. Один класс школьников за другим заводят на эту выставку, и школьники с ужасом читают, что в Заксенхаузене в 1943 году была построена газовая камера, хотя давно подтверждено, что газовых камер никогда не было на немецкой земле. С дрожью они читают, что «день и ночь сладковатый запах сожженного человеческого мяса» парил над лагерем. Хотя Международный Красный крест регулярно посещал концлагеря по март 1945 года и никогда не смог заметить там приспособлений для убийства газом или для сожжения или почувствовать сладковатый запах. Далее утверждается, что на плацу Заксенхаузена у каждого эсэсовца было «право» избить или убить арестанта! К сожалению, жестокость там была, но почти исключительно со стороны самих арестантов и так называемых «капо» — надзирателей из числа заключенных. Если эсэсовец или другой немецкий служащий провинился перед заключенными или их собственностью, он представал перед военным судом. Какой интерес у премьер-министра Освальда к тому, чтобы покрывать такую ложь против Германии?

Всю нашу школьную молодежь отравляет эта ложь об их отцах, чтобы ненависть между поколениями стала как можно более глубокой. Так ломают народ, по рецепту всемирных заговорщиков. И мы, которые знаем лучше, должны молчать? И тот кто в этом случае утверждает, что это было бы по-христиански, тот в моих глазах — никто иной как подлый трус и мерзавец.

Гессенский министр по делам образования и религии поручил еврейке Ханне Фогт написать книгу о прошлом Германии «Вина или рок», которая появилась уже в одиннадцатом издании и распределяется среди всех выпускников народной школы. Еврейка едва ли сможет объективно рассматривать немецкое

прошлое.

Однако эта книга — это отличный результат в искажении истории и пропаганде ненависти под видом научности, ее вполне можно считать равноценной с работами агента Коминтерна Вилли Мюнценберга, непревзойденного мастера травли немцев и лживой пропаганды, который кричал своим сотрудникам, когда они писали статьи против Германии: «Слишком слабо, слишком объективно! Вбивайте им в голову. Делайте так, чтобы мир раскрыл рот от ужаса. Превратите их в смрад мира. Сделайте так, чтобы люди проклинали их и вздрагивали от ужаса!»

Нет ни одного принимаемого всерьез документа, который насчитывает общие потери еврейского населения на последней войне выше, чем 200.000. То есть, за одну ночь в Дрездене погибло больше беззащитных и невиновных немцев, детей, женщин, стариков и, прежде всего, раненых, чем евреев во всех концлагерях за время национал-социалистического правления! И в общие еврейские потери включены даже случаи естественной смерти. Вместе с тем эти потери в процентах и в абсолютном числе гораздо меньше, чем потери любой другой воюющей страны. И всемирные еврейские организации объявили святую войну вплоть до полного уничтожения Германии уже в 1933 году, когда еще ни одного еврея никто даже пальцем не тронул!

И, тем не менее, мир наполнен криками из-за мертвых евреев. Но никто не возвышает свой голос из-за Дрездена и реальных шести миллионов убитых восточных немцев. Ни один голос не поднимается из-за миллионов убитых немецких и европейских военнопленных, которые боролись на нашей стороне. Ни одна мемориальная доска не напоминает о 105.000 французах, которые были убиты только потому, что они были германофилами. Нет никаких мероприятий в память о зверски убитых голландцах, датчанах, бельгийцах, норвежцах, румынах, русских, казаках, украинцах, которые работали или сражались на немецкой стороне, так как они хотели спасти Европу от большевизма, или так как считали немецкое господство меньшим злом.

Для Немецкой федеральной почты причиной бессрочного увольнения является то, что один из ее работников оспаривает убийство евреев газом. Гессенский суд подтверждает этот «правовой» подход, так как такие высказывания, «которые трудно превзойти в их отвратительности», работник не должен терпеть.

Но зато сегодня каждый мерзавец может гордиться тем, что он совершал саботаж или измену против Германии.

Одна читательница озабоченно спросила меня, не скачусь ли я к новому антисемитизму? Совсем наоборот! Я забочусь о том,

чтобы с евреями обращались как со всеми другими, и они не могли бы требовать привилегий. Так как только привилегии и ложь, которая распространяется определенными господствующими в мире еврейскими кликами, приводят к новому антисемитизму. Господин Визенталь делает для антисемитизма больше, чем я.

Каждый приличный еврей будет приветствовать наш поиск правды и поэтому также и этот труд. Так как, издавая этот сенсационный отчет, мы не разжигаем национализм или ненависть, а служим правде, и только правда освободит нас и других. И только действительно совершенную несправедливость можно исправить или простить. Однако выдуманная несправедливость неизбежно порождает новую ненависть и становится горючим материалом.

Речь здесь, однако, идет вовсе не о преуменьшении или преувеличении потерь или преступлений. Речь идет о психическом выздоровлении нашего народа. Ведь нас обвинили в самых больших преступлениях в истории человечества: а именно, в том, что мы преднамеренно развязали мировую войну и убили миллионы невинных людей. И если бы у нас были время и возможности, то мы искоренили бы также и все прочие «порабощенные» народы.

Тот, кто может переступить через такой упрек и перейти к обычным делам, у того нет ни сердца, ни души! Теперь свидетели вдруг встают и говорят: Это вовсе не так! Германия не хотела войны, и не начинала ее, а была принуждена к ней ее смертельными врагами. Гитлер вовсе не хотел убивать евреев и никогда не отдавал приказ об их искоренении, также не приказывал он искоренять и другие народы. Устройств для убийства людей газом никогда не существовало. Это все изобретения патологических мозгов. Почти все т. н. судебные процессы по делам военных преступников и процессы о концлагерях были проведены с использованием лжесвидетелей и поддельных документов!

Каждый подсудимый радуется, когда его оправдывают, или если даже выявляется, что преступление, в котором его обвиняют, вообще не было совершено.

Мы, немцы, должны были бы ликовать, если сегодня встречаются свидетели, которые могут доказать, что Освенцим был не машиной для массовой смерти, а огромным предприятием для производства вооружений. Что с заключенными обращались, как правило, прилично, и посторонние могли посещать лагерь в любое время. Но большинство наших земляков реагирует, однако, совсем иначе. Они действуют так, как будто их хотят лишить

самого прекрасного послевоенного переживания: их комплекса вины. Когтями и зубами они цепляются за вину немцев. Это прямо-таки неповторимый феномен в истории человечества. В любом другом народе такая реакция была бы невообразима. Можно обозначить это только как глубокую психическую болезнь. Так как это ненормально, что кто-то непременно хочет быть виновным.

Здесь кроется истинная проблема и настоящая причина для публикации этой брошюры. Речь идет тут не о доказательстве того, какая сторона совершила большую несправедливость. Это давно является установленным для каждого, кто пусть даже только поверхностно занялся имеющимися в распоряжении источниками. Это чистый оправдательный приговор для Германии! Книга «Amerikas Kriegspolitik» (Военная политика Америки) полковника Кёртиса Далла, зятя Рузвельта, отнюдь не была необходимой для этого. Но она раскрыла, выше всяких сомнений, единоличную вину Рузвельта и Черчилля за эту войну и их преступный заговор против мира. Тот, кто все еще утверждает обратное, просто злонамеренный человек!

Почему мы, немцы, так влюблены в эту сказку о шести миллионах отравленных газом евреев? Я говорю здесь по своему опыту, так как я и сам верил в нее.

Мы, немцы — мечтатели и по натуре богобоязненные. Поэтому у нас должно было быть основательное, религиозное объяснение того, почему наш народ попал в эту беду. Простого указания на то, что другие были более сильными или более жесткими, недостаточно для немецкой души. Без причины, так мы верим, никто не оказывается в такой беде. Это знаменитая проблема библейского Иова, которого его друзья-перевоспитыватели также убеждают в том, что каждый удар судьбы — это Божье наказание. Поэтому в катастрофе 1945 года можно было видеть только Божий суд за совершенные прегрешения и преступления. Сказка о шести миллионах невинно убитых людей прямо-таки утоляла этот голод метафизического объяснения, и поэтому за нее и ухватились так жадно. Еще яснее это станет, если это может быть обосновано в библейском стиле: Мы убили не просто каких-нибудь людей, а избранный народ! Да, мы, как одна читательница написала мне дословно, задели зеницу Бога. Какое чудесное объяснение! Теперь мы знаем почему. Теперь мы можем поплатиться за это и вновь обрести кое-что из расположения Бога покорностью по отношению ко всем евреям и денежными компенсациями, по крайней мере, или радоваться прощению как покорные грешники. Поэтому немец цепляется за «убитых евреев» как за свое спасение души, так как

без этого объяснения у нашего страшного заката не было бы более высокого смысла, и вытерпеть его было бы еще тяжелее.

Поэтому мы не порицаем нашего бедного соотечественника, который верит в ужасы концлагерей. Вера в справедливого Бога пошатнется. Проблема милостивого Бога Лютера сидит в нас гораздо глубже, чем нам самим кажется!

Но Иов сам дает своим перевоспитывателям и проповедникам покаяния надлежащий ответ: Это горе пришло ко мне без причины. Я не знаю почему, это для меня слишком сложно. Но я не грешил. Я не уклонялся с правильного пути. Я не стал неверным своему Богу. Я хочу спорить с ним, так как он знает, что я окажусь прав! И однажды он также снова сделает меня великим и великолепным! Да, так говорит Иов! И так говорим и мы.

Мы выбросим прочь те две большие лжи, на которых основывается все послевоенное развитие: не существует избранного народа Израиля, который был бы идентичен с евреями; и не существует, прежде всего, отвергнутого, преступного немецкого народа!

И мы будем бескомпромиссно бороться против каждого, который поддерживает одну из этих лживых конструкций и тем самым толкает наш народ все глубже в пропасть. Пришло время встать и схватить судьбу за глотку. Мы преодолеем это, так как мы исполняем заповедь Бога. Поэтому я бесконечно благодарен Тису Кристоферсену, который со своей мужественной книгой как сверкающий пример идет впереди нашего народа, и является гарантом того, что мы повернем поток времени. Это честь для Немецкой гражданской инициативы, что она смогла опубликовать этот открывающий новую эру труд.

Предисловие доктора Штэглиха

За последнее время наивысшие представители нашего государственного и конституционного временного явления (преамбула и ст. 146 основного закона для Федеративной Республики Германии) неоднократно уверяли нас, что сегодня мы якобы живем в самом свободном государстве, которое когда-нибудь существовало на немецкой земле. Между тем, это уже давно известно, что обычно больше всего говорят о том, чего нет. То, что разговоры о «самом свободном государстве» с внешнеполитической точки зрения как минимум являются сплошным самообманом, может быть бесспорным. Наш народ на востоке и западе после крушения империи не только из-за международных договоров все больше впадал в зависимость, подобную которой трудно найти в немецкой истории.

Как, однако, выглядит это с внутриполитической точки зрения?

Несомненно, что все то, что служит саморазрушению нашего народа, могло здесь так беспрепятственно развиваться и продолжает развиваться дальше, и что ответственный немец должен быть очень озабочен самим дальнейшим существованием его народа. Говорить об этом — это то же самое, что везти сов в Афины. Сегодня также можно беспрепятственно насмехаться над немецким народом, над его историей и его традициями, унижать его и клеветать на него самым отвратительным способом, не боясь, что какой-либо прокурор решится применить в таком случае параграф немецкого уголовного кодекса о разжигании розни (параграф 130 УК). Но если кто-то, тем не менее — в какой бы то ни было форме — пытается выступить за немецкий народ и его необходимые права, к тому, по-видимому, подходят с другими мерками. Есть достаточно примеров этого. Даже распространение фактов, которые неопровержимы, невозможно без враждебности, если они мешают программе господствующих в настоящее время. Если не удается их замалчивать, то находят применение другие методы, которые простираются вплоть до уничтожения существования носителя таких фактов. Мой собственный опыт позволяет мне сделать такой вывод. Свидетельские показания Тиса Кристоферсена о мнимом «лагере смерти Освенцим» сначала пытались замалчивать. Тем не менее, это не удалось. За прошедшее время его маленькая книга «Ложь об Освенциме» с общим тиражом более чем 100.000 экземпляров распространилась во всем мире и была переведена на несколько языков. Теперь ее недавно также конфисковали. Предлогом

конфискации, по существу, послужило предисловие адвоката Манфреда Рёдера.

Нужно согласиться — это предисловие содержало много заостренной полемики. Однако в нем, по сути, говорилась одна только правда, которую определенные круги очень не любят слушать, но она, несмотря на это, остается правдой. Это была именно правдивая речь по праву разгневанного человека. Если такие слова можно использовать как предлог для запрета рассказа на основе фактических данных, который кое-кому не нравится, то это одновременно постыдно и разоблачительно.

Нужно приветствовать, что Тис Кристоферсен вопреки этим и некоторым другим официальным придиркам решился на новое издание его необходимого труда. Я не хотел бы моим предисловием, о котором попросил меня автор, снова дать повод для изъятия книги. Поэтому я в дальнейшем ограничусь констатацией нескольких неопровержимых фактов, которые подчеркивают достоверность и историческую правдивость рассказа Кристоферсена.

Кристоферсен описывает Освенцим как лагерь, в котором заключенному нужно было работать, но в котором, однако, можно было жить. Кое-кому, кто до сих пор узнавал о концентрационных лагерях Третьего Рейха исключительно из единообразно управляемых средств массовой информации, это сначала покажется невероятным. Между тем, все выглядит так, как будто такое изображение Освенцима теперь, по крайней мере, частично собираются признать даже официально. Ведь никто иной, как сам руководящий верховный прокурор доктор Адальберт Рюккерль, который с 1966 года руководит «Центральным бюро земельных управлений юстиции по расследованию национал-социалистических преступлений» в Людвигсбурге, в своей недавно появившейся книге «NS-Vernichtungslager im Spiegel deutscher Strafprozesse» (Национал-социалистические лагеря смерти в отражении немецких уголовных процессов) подчеркнуто говорит о том, что Освенцим — впрочем, также и Майданек — имел якобы «двойную функцию»: это был как «концентрационный лагерь», так и «лагерь смерти». Только Белжец, Собибор, Треблинка и Хелмно служили якобы «исключительно для убийства множества евреев посредством ядовитого газа».

Поразительно, так как до сих пор об этом говорили совсем иначе! В то время как едва ли хоть что-то говорилось о мнимых «лагерях смерти» Рюккерля, Освенцим всегда в его совокупности был представлен как «лагерь смерти», прямо-таки как центр утверждаемого уничтожения евреев. А именно согласно до сих пор действующей версии в части лагеря Биркенау (Бжезинка)

нетрудоспособные, женщины с детьми и старики «непосредственно после их прибытия» были убиты в «газовых камерах», остальные евреи, однако, «уничтожались работой» в других частях лагеря комплекса Освенцима.

Таким был, например, также «результат» т. н. Освенцимского процесса — того уголовного процесса, который проводился в 1963–1965 годах против двадцати — первоначально двадцати двух — бывших членов лагерного персонала Освенцима и сотворил в свое время всемирную сенсацию. Бернд Науманн, тогдашний репортер газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung на процессе, определенно констатировал в своем изданном в форме книги под заголовком «Освенцим» обобщающем репортаже о процессе, что «продолжительность жизни попавших в Освенцим заключенных составляла… только несколько недель»! Даже если в этом можно увидеть обычное журналистское преувеличение, то почти всеобщее мнение сходилось, все же, до сих пор на том, что, во всяком случае, жизнь «рабочих евреев» в Освенциме, как правило, длилась едва ли больше нескольких месяцев.

Только отдельные еврейские авторы первого послевоенного времени совпадали, по крайней мере, частично с высказываниями Кристоферсена, что все-таки весьма примечательно.

Так, полный еврей и социалистический руководитель доктор Бенедикт Каутский сообщал в своей вышедшей в 1946 году книге «Teufel und Verdammte» («Черт и проклятый»), что заключенные концентрационных лагерей с 1942 и еще больше с весны 1943 года, учитывая их профессиональную подготовку, привлекались к работам; они частично сотрудничали также с гражданскими рабочими. Каутский сам был, по его собственным словам, с 1938 по 1945 годы заключенным концентрационного лагеря, причем с ноября 1942 года в Освенциме, где он работал, прежде всего, на тамошней фабрике по производству буна-каучука. Поэтому его свидетельства также относятся, само собой разумеется, и как раз к этому лагерю. Об «уничтожении работой» у него нет ни слова. Он сам был бы живым контрпримером. Немцы зависели от рабочей силы евреев, и им было бы неразумно убивать их истязаниями или недостаточным питанием или хотя бы даже только ослаблять их.

Впрочем, мать Каутского умерла в лагере Биркенау, который служил якобы только для «уничтожения», в декабре 1944 года в возрасте 80 лет естественной смертью. В последние недели жизни она даже была размещена в отдельной палате и получала особое медицинское обслуживание. Это следует, во всяком случае, из сообщения одного товарища по заключению, которое было опубликовано в декабре 1945 года в определенно находящейся

вне подозрения Wiener Arbeiterzeitung (Венской рабочей газете). Чтобы избежать недоразумений: я не одобряю то, что такие старые люди вообще содержались в концентрационном лагере. Но утверждение, что старики попадали туда только для того, чтобы их там уничтожили газом, однозначно оказывается здесь сказкой! Другой еврейский автор, Бернхард Клигер, назвал в своих написанных в 1946 году — сначала на французском языке — мемуарах «Дорога, по которой мы шли» (первое немецкое издание в 1957) главный лагерь Освенцим I «роскошным лагерем» касательно его оборудования и оснащения, и это было сказано им абсолютно всерьез. Он дальше пишет, что этот лагерь в начале 1944 года стал для находившихся в нем евреев, которые должны были составлять примерно 80 % узников лагеря, прямо-таки «санаторием» и объяснял это дословно так:

«Для нас, евреев, наступило золотое время…»

Это описание Клигера относится, что следует отметить еще раз, к 1944 году. Это был год, когда также Кристоферсен и я сами познакомились с Освенцимом, в котором, однако, согласно легенде мнимое уничтожение евреев должно было достигнуть своего апогея. Хотя Клигер тоже пишет о «убийстве газом» в Освенциме-Биркенау, а также о том, что там в то же время «400.000 венгерских евреев… было уничтожено за несколько недель». Все же, он знает это только со слухов — вероятно, происходивших из более позднего времени, так как он сам жил не в Биркенау, а в главном лагере Освенцим.

И описанное Клигером хорошее настроение размещенных в главном лагере евреев на протяжении 1944 года едва ли было бы объяснимо, если бы всего в трех километрах от них, в Биркенау, действительно ежедневно «уничтожались» тысячи евреев, как гласит известная легенда. Тот, кто ежечасно должен был считаться со смертью, не может даже и в воспоминаниях — как Клигер — говорить о «золотом времени».

Впрочем, из предисловия к книге «Menschen in Auschwitz» (Люди в Освенциме) Германа Лангбайна можно узнать удивительный факт, что Клигер при эвакуации Освенцима весил 85 кг. Бывший писарь в канцелярии медчасти Освенцима, Лангбайн, должен был это знать. Кажется, среди узников были даже «тяжеловесы». Примечательная констатация Кристоферсена, что «проходило некоторое время», пока попавшие истощенными в лагерь арестанты «откармливались», могла быть не такой уж неверной, как могло показаться на первый взгляд. Также я при моих различных посещениях главного лагеря Освенцим в середине 1944 года не видел заключенных, которые производили

впечатление истощенных. Был даже приказ Гиммлера от 26 октября 1943 года (!), где всем комендантам лагеря среди прочего предписывалось обеспечить заключенных достаточным питанием для сохранения их работоспособности.

Кристоферсен — как следует из его мемуаров — также не заметил ничего связанного с предполагаемыми массовыми убийствами газом в Освенциме-Биркенау, хотя он постоянно получал для себя рабочих из этого лагеря. Характерно, что объясняет к тому же Рюккерль читателям своей вышеупомянутой книги, «что кое-кто, который временно во время войны был 'в Освенциме', неопровержимо может объяснить, что он совсем не замечал ничего, свидетельствовавшего о существовании газовых камер», именно потому, что «огромный размер комплекса лагеря» и «двойная функция» Освенцима этого якобы не допускали. Рюккерль в своей аргументации не учитывает, однако, одно обстоятельство, которое в остальном играет немалую роль в литературе об Освенциме: видимые издалека признаки сгорания бесчисленных человеческих трупов, а также связанный с этим якобы постоянно парящий над всем комплексом лагеря трупный запах, что, например, уже упомянутый Бернд Науманн в его репортаже об Освенцимском процессе во Франкфурте описывает следующим образом:

> *«Смрад сожженного мяса протянулся на много километров над землей. Темные жирные клубы дыма двигались по широкому небу».*

Я должен признаться, что также я тогда не замечал ничего такого. Также та делегация Международного Красного креста, которая посещала Освенцим в сентябре 1944 года, в ее опубликованном в 1947 году в Женеве сообщении об этом посещении ничего не упомянула об этом. Конечно, для временного посетителя Освенцима — как думает Рюккерль — возможные «газовые камеры» могли оставаться в тайне. Однако необходимое для утверждаемых массовых уничтожений непрерывное сожжение трупов не смогло бы ускользнуть даже от такого посетителя. Если мы только вспомним, что по легенде, начиная с мая 1944 года, в течение примерно трех месяцев должны были быть так уничтожены около 500.000 венгерских евреев, то в этом случае за один день нужно было бесследно устранять более 5000 человек. Так как число наличествующих в крематориях печей называется в количестве 46, и сожжение трупа в такой печи еще сегодня требует примерно 90 минут, в целом в день можно было бы кремировать 736 трупов, даже если бы все крематории работали на полную мощность круглые сутки. При

этом еще не учтены непременно необходимые чистка, наведение порядка и ремонтные работы. Остальные примерно 4.500 жертв убийств газом должны были бы — как это также утверждается — сжигаться под открытым небом. При всем скепсисе по отношению к возможности такого предприятия вообще, можно, по меньшей мере, сказать, что это никогда не могло бы оставаться незамеченным. Из признания Рюккерля, что временный посетитель не смог бы узнать функцию уничтожения Освенцима, логически следует только тот вывод, что, по меньшей мере, утверждаемые массовые уничтожения в действительности в нем вовсе не происходили.

Мемуары Кристоферсена об Освенциме, конечно, не доказывает, что в Освенциме вообще не погиб ни один еврей. Доказывать это, пожалуй, также не было намерением автора, который только хотел рассказать, что он сам испытал во время своего откомандирования в Освенцим. С другой стороны, однако, наконец, представляется необходимым констатировать, что распространители легенды об Освенциме до сегодняшнего дня не предоставили нам доказательств своих утверждений и что, в частности, также Освенцимский процесс при его проведении в духе показательных процессов и его частично невозможных и противоречивых результатах тоже не предоставил такие доказательства. На этом фоне свидетельские показания Тиса Кристоферсена по-прежнему сохраняют их особое значение.

Я желаю также этому новому изданию «Лжи об Освенциме» самого широкого распространения, к пользе для нашего народа и к просвещению всего мира!

Доктор Вильгельм Штэглих

ЛОЖЬ ОБ ОСВЕНЦИМЕ

Нижеследующий рассказ не предназначен для оправдания концентрационных лагерей.

Требование объявить вне закона, упразднить или запретить (с помощью международных соглашений) концентрационные лагеря или лагеря для интернированных, никогда не было высказано.

Это также не будет возможно. Нельзя сделать второй шаг, не сделав первый. Сначала нужно упразднить войну — потом можно будет также отменить и лагеря для интернированных. В стране, которая ведет войну, нельзя отправить членов вражеской нации на родину, чтобы они смогли там бороться против страны, в которой они сейчас находятся в гостях.

Вынужденное молчание

Я был в Освенциме, а именно с января по декабрь 1944 года. После войны я услышал о массовых убийствах заключенных евреев, которые якобы осуществляли СС. Я был удивлен. Вопреки всем свидетельским показаниям, всем газетным сообщениям и радиопередачам и телевизионным передачам я также сегодня не верю в эти зверства. Я также говорил это всюду снова и снова. Но это было бесполезно. Никто не хотел мне верить. Доказательства, так говорили мне, слишком однозначны и не терпят возражений. Судебные процессы привели к ясным выводам, что в Освенциме были устройства для убийства газом, и даже сам Хёсс как комендант лагеря подтвердил это. Тот, кто хотел бы оспаривать это, возможно, даже сам оказывается подозрительным как соучастник в убийствах евреев. Я должен быть осторожен, так как у военных преступлений еще не истек срок давности. Против меня может тоже быть начат судебный процесс, и мне лучше было бы помолчать. «Кому польза от того, если ты захочешь попытаться исправить историю? Ты же совсем ничего не изменишь! — Только признание нашей вины снова вернуло нас в общность народов. — Подумай, ведь у тебя семья. — Никто не поверит в твои рассказы… Молчи, это самое умное, что ты можешь сделать».

Честно говоря, ко мне самому тоже приходили сомнения. Если слышишь со всех сторон и все время одни и те же истории снова и снова, то вполне понятно, что, в конце концов, сам в них поверишь. «Куда же подевались евреи, если их всех не отравили газом?» Я не знаю этого, но я задумываюсь над тем, откуда вообще взялось столько евреев, если целых шесть миллионов их можно было убить на войне. На моей шлезвиг-гольштейнской родине их перед войной почти совсем не было. Так называемые «евреи-скототорговцы» отсутствовали в деревне полностью. Язвительные люди говорят, что их там не было потому, что крестьяне в Дитмаршене и Ангельне были намного хитрее евреев. Очень многие евреи ускользнули перед войной и во время войны за границу, и много евреев также пережили концентрационные лагеря… и много евреев снова живет сегодня среди нас.

Первые сомнения пришли ко мне, когда я прочитал листовку Бинара Аберга из Норвиккена/Швеция[1]. Он сопоставил официальные числа еврейского населения во всем мире до и после войны и установил, что евреи во время войны должны были так сильно размножаться, что каждая женщина в плодотворном возрасте должна была рожать по одному ребенку каждый год, если число в шесть миллионов убитых евреев соответствует

действительности.

В 1948 году, согласно статье в газете «New York Times» от 25 февраля 1948 года, написанной У. Болдуином, признанным и беспристрастным экспертом во всех вопросах демографии, которого даже с самой большой фантазией нельзя назвать «антисемитом», в мире снова жило между 15.600.000 и 18.700.000 евреев. Миф о шести миллионах убитых евреев, другими словами, не может быть правдивым, так как даже если взять самое низкое число, это значило бы, что предвоенное население 15.688.259 минус 6 миллионов убитых, итак в действительности не больше чем 9 миллионов, никак не могло бы размножиться в течение десяти лет с 7.000.000. Это невозможно биологически!

Потери еврейского народа во время Второй мировой войны, несомненно, достойны сожаления. Однако они составили не шесть миллионов человек, а самое большее двести тысяч. По данным Международного Красного креста количество «погибших в концлагерях и тюрьмах жертв расового и политического преследования» составляет лишь 300.000 (газета «Cannstätter Zeitung» от 12 мая 1956 года). Это число охватывает, однако, не только евреев, но также ничего не говорит о причине смерти. Зарегистрированы лишь все случаи смерти, в том числе также те, которые нужно приписывать возрасту, болезни или воздушным налетам на лагеря. Другие источники считают, что это число еще меньше. Документы и высказывания, которые утверждают нечто иное, более чем сомнительного происхождения. (По этой теме ср., например, Р. Харвуд: «Действительно ли умерли шесть миллионов?», А. Р. Батц: «Обман столетия» (оба изданы Historical Review Press, Richmond, Surrey, Великобритания) и т. п.)

Автор со своей женой в январе 1944 г.

Даже ведущий австрийский социал-демократ доктор Бенедикт Каутский, полный еврей, который пробыл в концлагерях с 1938 до 1945 года, из них три года в Освенциме, должен был признаться, что он никогда не видел газовую камеру:

«Я был в больших немецких концентрационных лагерях. Однако я должен правдиво признать, что ни в одном лагере, нигде и никогда я не видел такого устройства как газовая камера». (Каутский, «Черт и проклятый», Цюрих 1946, стр. 272 и на следующих страницах).

Рихард Бэр, последний комендант Освенцима (с 1943) и таким образом самый важный свидетель, о котором парижская еженедельная газета «Rivarol» сообщает, что его нельзя было отговорить от того, что «в течение всего времени, в которое он руководил Освенцимом, он никогда не видел газовые камеры и не знал, что они существуют», внезапно умер, к сожалению — хотя за четырнадцать дней до смерти он еще был совершенно здоров

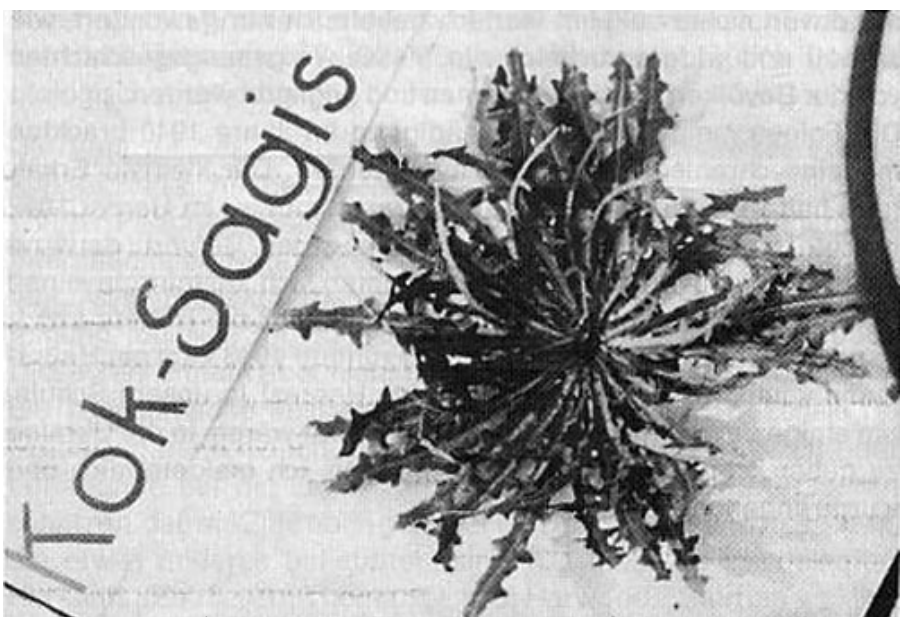
— 17 июня 1963 года в следственной тюрьме.

Я никогда не скрывал того, что был в Освенциме. Когда меня спрашивали об уничтожении евреев, я отвечал, что мне ничего не было известно об этом. Я только удивлялся, как быстро и беспрекословно население восприняло и поверило в истории о массовом убийстве с помощью газа.

Последствия моего ранения на войне в 1940 году принесли мне хроническое нагноение в лобных пазухах. Из-за самой маленькой простуды мне приходилось отправляться в военный госпиталь. Осенью 1942 года мое врачебное обследование дало заключение: длительное GvH (служба в гарнизонах на родине). Я попросил отпуск для учебы и зимой 1942/43 года посещал Высшую школу земледелия в Ландсберге на Варте. Весной 1943 года в нашу школу прибыл некий капитан ОКН (Главное командование сухопутных войск), чтобы отобрать несколько фермеров, которые были бы готовы поехать на Украину, чтобы возделывать там каучук. Я вызвался и был принят.

Кок-сагыз

Подвижная война нуждается в транспортных средствах, и транспортные средства нуждаются в шинах, а шины делают из резины. Можно искусственно производить резину из угля, извести и серы — это называется буна-каучук — но без добавления природного каучука ничего из этого не выйдет. Не хватает клея. Русские, в их стремлении стать независимыми от импорта (когда мы делали то же самое, то это сегодня расценивается как подготовка к войне), систематически исследовали всю свою флору в поисках каучуконосов… и нашли некоторые — в том числе кок-сагыз, растение, родственное одуванчику. Белый латекс в его корнях был богат каучуком. Теперь этот каучук стал очень важным для дальнейшего ведения войны. Уполномоченный по вопросам автотранспорта в ОКН создал отделы разведения, применения и исследования. Я был после короткой учебы послан на Украину как эксперт по разведению каучуконосных растений. Я никогда еще не видел растения кок-сагыз. Все же, практическая работа и поддержка нескольких русских агрономов вскоре дали мне необходимые знания.



Кок-сагыз (Kok Sagis). Белый латекс, как и у одуванчика, содержит каучук

В 1943 году мы потеряли Украину, и в начале 1944 года меня перевели в отделение растениеводства в Институте императора Вильгельма. Этот институт перевел филиал отделения в Освенцим. Потому я поехал в Освенцим и только во время

путешествия туда узнал, что там был концентрационный лагерь.

Так как я был ранен еще во французской кампании и проводил свое время снова и снова в военных госпиталях, я не смог сделать военную карьеру. Я был только ефрейтором и по моей должности зондерфюрером при ОКН (Z), это была лейтенантская должность. Затем наша служебная инстанция осенью 1943 года была подчинена СС, и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер стал нашим верховным руководителем. Он был, как известно, дипломированным агрономом. Наше учреждение теперь называлось: О.К.Н. (Главное командование сухопутных войск) B.d.K. (уполномоченный по вопросам автотранспорта) откомандированный к рейхсфюреру СС, отделение растительного каучука.

Все же, мы сохранили нашу форму Вермахта, и нам также не делали татуировку с нашими группами крови. Это, наверное, многим из нас спасло жизнь.

Если мне теперь предстоит рассказать о своем опыте в Освенциме, то у меня есть сомнения, должен ли я также называть имена моих еще живых товарищей, с которыми я еще сегодня поддерживаю контакт. Я сам знаю, что должен считаться с репрессиями, если я нарушу молчание. Я теперь готов рискнуть и частично мне уже пришлось столкнуться с ними.

Как издатель «КРЕСТЬЯНСТВА» и «КРИТИКИ», а также раньше «НЕМЕЦКОГО КРЕСТЬЯНИНА» я никогда не скрывал то, что думаю. Все же, в 1969 году я передал мой крестьянский двор моему сыну. Тогда я думал, что я как главный редактор газеты «НЕМЕЦКИЙ КРЕСТЬЯНИН» смогу прокормить себя сам. Моим друзьям известно, что из-за экономических трудностей эта газета была передана под управление издательства DSZ господина доктора Фрая из Мюнхена. Все же, редактура этой газеты никогда не была в моих руках, с тех пор как ее перевели в Мюнхен. Я был в буквальном смысле слова «номинальным редактором». Я мог видеть газету только тогда, когда она уже была напечатана. Я все реже находил в ней мои собственные статьи. Повторные претензии побудили господина доктора Фрая бессрочно уволить меня. Процесс перед судом по трудовым спорам окончился жалким компромиссом. С этого времени я по-настоящему безработный, и, хотя биржа труда устроила для меня переподготовку для простой административной службы, мне невозможно получить работу. Хотя мне лишь 55 лет, у меня уже нет никаких перспектив присоединиться к профессиональной жизни.

Почему же мне теперь не рассказать о том, что я знаю? Я влачу свое существование в скромной, но счастливой бедности.

Мои дети обеспечены. Все же, я не хотел бы создавать трудности моим бывшим начальникам и товарищам, часть которых еще работает.

Жизнь в лагере

Было холодно и ветрено, когда 15 января 1944 года я прибыл в Освенциме на вокзал. Я подумал, не взять ли мне такси. Но там были только дрожки с лошадьми, и я решил пойти пешком. Я оставил свой багаж на хранение и спросил дорогу к комендатуре лагеря. Это было вовсе не далеко. Лагерь, казарменный комплекс с безобразными, но солидными зданиями, лежал в непосредственной близости. Ворота лагеря с надписью «Труд освобождает» были первым, что я мог увидеть в концентрационном лагере Освенцим. Мне бросилось в глаза, что очень многие заключенные ходили свободно без всякой охраны. Позже я узнал, что лагерь, который был окружен забором из колючей проволоки под током, охранялся только ночью. В течение дня заключенные могли свободно передвигаться на огромной территории. Однако эта территория была окружена постами часовых, которые ночью, после вечерней переклички, возвращались внутрь ее.

Я доложил о своем прибытии моему начальнику, оберштурмбаннфюреру доктору А. Это был большой, статный мужчина с голубыми со стальным отливом глазами и несколько красноватыми волосами. Приветствие было сердечным. Выяснилось, что он очень хорошо знал моего брата, который также служил при СС. Я сразу задал несколько любопытных вопросов в отношении концентрационного лагеря. Так я хотел знать, например, что за люди находились тут в заключении. Его ответ:

«Что касается немцев, то тем, кто тут сидит, здесь самое место… Враги народа… в остальном здесь сидит европейская элита». В этих его словах, как я установил позже, было много правды. Я представился его сотрудникам. Хауптштурмфюрер Б., русский эмигрант, бывший царский офицер, который наряду с русским языком также в совершенстве знал немецкий и французский языки, предложил отвезти меня на мою квартиру. Для сельскохозяйственного сектора офицерам полагались не автомобили, а конные повозки с кучером. Я нашел это несколько хвастливым. Также и то, что арестанты, которые встречали нас, останавливались, снимали шапку и становились по стойке «смирно», было для меня немного неловко. Но мы были офицерами, и солдаты СС тоже приветствовали нас солдатским отданием чести.

Автор (в центре) и офицеры во время осмотра лагеря

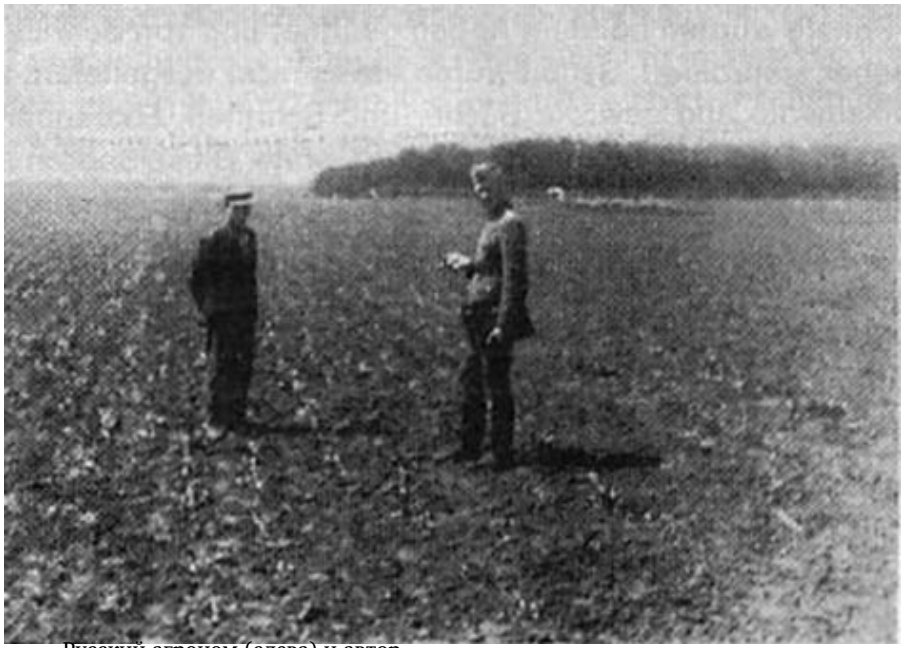
Моя квартира находилась в Райско на удалении примерно трех километров от главного лагеря. Там был женский лагерь, теплицы и помещения лаборатории для нашей работы по выращиванию растений. Мне была предоставлена комната в отдельно стоявшем доме. Я делил этот дом с моим коллегой, оберштурмфюрером доктором Ц., в задачи которого входил надзор за отделением растениеводства. Он был очень веселым человеком, и в его смехе было что-то сердечно-освежающее. У заключенных он был очень популярен. Даже сегодня ему еще пишут письма бывшие арестанты из Освенцима. Он женился молодым и позднее разрешил своей жене и обоим его детям еще дошкольного возраста приехать к нему. Я позже занял квартиру в построенной теплице. Там я жил вместе с одним ученым из Института императора Вильгельма. Я могу назвать его имя — это был доктор Бёме. После капитуляции его застрелил какой-то озверевший гражданский поляк. Он определенно не причинил никому никакого вреда и был воплощением любезности и готовности помочь.

Первой заключенной, с которой я познакомился, была «Агнес». Агнес принадлежала к «Свидетелям Иеговы», и она была выделена нам как «уборщица». Я хотел расспросить ее о ситуации в концлагере — но Агнес хранила молчание. Другой была госпожа Поль. Ей подчинялась кухня. Она также была «исследовательницей Библии» и раздавала арестантам листовки. Это не было позволено — но в мои задачи не входил надзор за заключенными. Кроме того, мне ее писания представлялись безвредными. В религиозных вопросах я всегда был толерантен.

До сегодняшнего дня я не могу отказывать Свидетелям Иеговы в определенном восхищении и уважении. Их можно было запирать в тюрьму из-за их веры, и они страдали, так как они хотели страдать. Они не нуждались в охране, и они могли свободно передвигаться также вне цепи сторожевых постов.

В нашем женском лагере в трех бараках были размещены примерно триста женщин. Это были избранные кадры, которые работали почти исключительно для отделения растениеводства. В основном это были евреи и поляки, и несколько французов. Все очень хорошо говорили по-немецки. У многих были академические звания. Их работа носила научный характер, и они были очень независимы. Фактически происходило так, что не я, а заключенные должны были меня инструктировать, вводя в курс дела. Я попросил их объяснить мне суть их работы, и они делали это с определенной гордостью — я почти мог бы назвать это важничаньем. Однако у меня сложилось впечатление, что арестанты выполняли свою исследовательскую работу с усердием и радостью.

Растениеводство по методу селекции предусматривает исследования и отбор. Корни каучуконосов исследовались на предмет содержания каучука и затем увеличены с помощью черенков. Семена от них тщательно собирались и снова засеивались. Саботаж в этом деле был бы очень легок — но неизвестно ни об одном случае подобного рода. Ну, нужно также сказать, что заключенные мало доверяли друг другу. Там была старая ненависть между националистически настроенными поляками и евреями. Национал-социалистический антисемитизм был напротив безвреден. Результаты в повышении содержания каучука были весьма удовлетворительны. К сожалению, я больше не могу вспомнить цифры.



Русский агроном (слева) и автор

Хауптштурмфюрер Б. ездил в оккупированные восточные области и искал там ученых. Он привез в Освенцим несколько русских ученых с семьями, которые работали для нас как гражданские служащие и делали это также с большой охотой.

Трагическая ситуация сложилась, когда он привез в Освенцим русского агронома Я. Засмошека. Агроном встретил среди заключенных свою прежнюю возлюбленную. Эта встреча не осталась без последствий. Но Засмошек смог жениться на своей любимой. Ее отпустили из заключения. Я снова встретил обоих еще после эвакуации Освенцима в Галле на Заале. Они оба сияли от счастья. Мне в душе вовсе не было так радостно, так как я только что пережил в Дрездене бомбардировку 13 февраля и сам только чудом не пострадал. Думаю, что в тот день в Дрездене погибло больше людей, чем за все годы войны умерло в Освенциме. Однако военные преступления союзников даже сегодня еще не подлежат обсуждению.

Какой был распорядок дня заключенных в Освенциме? В 7.00 ч. побудка, умывание и душ, завтрак, утренняя поверка и в 8.00 ч. начало работы. С 12.00 до 13.00 ч. обеденный перерыв и в 17.00 ч. конец рабочего дня. В 19.00 ч. перекличка, затем внешняя цепь сторожевых постов заходила внутрь территории и охраняла только лишь лагерь изнутри. Почта доставлялась арестантам ежедневно. Пакеты и посылки открывались при перекличке и контролировались надзирателем лагеря. Редко случалось, что кое-что не передавалось арестанту, например, медикаменты и

определенные книги и газеты, фотоаппараты, радиоприемники и другие технические устройства. Однако эти вещи оставались собственностью заключенных. Их относили в «Канаду» и хранили там.

«Канадой» называли огромный склад, в котором хранили всю собственность выселенных или переселенных евреев, которые были интернированы в Освенциме. В «Канаде» было все — поэтому такое название. Но «Канада» строго охранялась снаружи. У нас на нашей метеостанции была одна помощница СС, которая однажды утащила себе из «Канады» пару шелковых чулок. За это она предстала перед военным трибуналом… за мародерство. Но сами арестанты, которые там работали, крали как вороны.

Мне бросилось в глаза, как элегантно были одеты наши заключенные. Хотя они должны были носить свою арестантскую одежду, но их белье, чулки и обувь были безупречны и в полном порядке. Они также не забывали заботиться о красоте. Губная помада, пудра и косметика входили в имущество заключенных женщин. В мое время подстриженных наголо евреек в Освенциме уже не было. Все же, мне рассказывали, что что-то в этом роде когда-то действительно было в Освенциме. Но вид их был настолько ужасен, что даже самые бесчувственные офицеры СС не могли его вынести. Каждую субботу команду наших женщин посылали на склад главного лагеря для обмена белья. Они потом возвращались оттуда с самыми великолепными трофеями, которые распределялись между заключенными. Я думаю, на эти кражи специально смотрели сквозь пальцы.

Ольга

В мае меня впервые посетила жена. Она работала преподавательницей сельскохозяйственного домоводства и с любопытством приехала на мое место работы в концлагере. Уже один тот факт, что в любое время к нам могли приезжать члены наших семей, доказывает открытость руководства лагеря. Если бы Освенцим был большим лагерем смерти, то нам наверняка не разрешали бы принимать наших родственников. Формальности, которые еще сегодня необходимы, чтобы получить право на посещение в основанной Вальтером Ульбрихтом тюрьме, не были необходимыми. Сравнение Освенцима с ГДР вовсе не так уж ошибочно.

Мы поженились недавно, и еще мало что успели нажить в нашем браке. Я забрал ее с вокзала. Она приехала в деревянных сандалиях, косынке и без чулок. Была война, и элегантность для нас была роскошью.

Затем я получил новую «уборщицу». Горничная было бы более подходящим выражением. Ольга! Ольга была полькой. Она была уникумом — но она трогательно заботилась обо мне и была исключительно услужливой. Всегда в моей комнате были цветы, всегда чистые столовые приборы и чистые занавески, и всегда у Ольги был для меня сюрприз. К визиту моей жены Ольга особенно прекрасно приготовила мою комнату. Над моей кроватью она повесила молящегося ангела — черт знает, где она его тут взяла. Ее забота была для меня почти слишком назойливой, но я должен был это терпеть, потому что не хотел причинять боль этой доброй и заботливой душе.

Во время пребывания моей жены начались работы на каучуковых полях, и я не мог уделять ей много внимания, но моя жена нашла себе в лице Ольги самую лучшую компанию. Она могла говорить как по писаному. Моя жена подумала, что она должна сделать ей маленький подарок и купила какую-то безделицу. Когда я провожал жену назад к железной дороге, я едва ли смог ее снова узнать. Она была по-новому одета с головы до ног. Ольга обеспечила ей все — даже новый чемодан. Моя жена принесла мне несколько маленьких лакомств, которые она сэкономила из своей еды, в том числе также кусок масла. Ольга каждый вечер готовила мне жареный картофель, который плавал в масле. Все же, маслом никогда дело не ограничивалось. Ежедневно прибывали продовольственные посылки Красного креста, и Ольга чувствовала себя обязанной позаботиться также и обо мне. Нет, заключенные в Райско не голодали. И если у нас

появлялась новая партия заключенных, которые прибывали в лагерь истощенными и худыми, то уже через несколько дней у них уже завязывался жирок.

Жена автора приехала к нему в гости. Ольга празднично украсила стол.

Лагерь смерти?

«Лагерь смерти был вовсе не в Освенциме, а лагерь смерти был в Биркенау». О таком я слышал и читал после войны. Однако, я был также и в Биркенау. Этот лагерь мне совсем не понравился. Он был переполненным, и люди там не производили на меня хорошее впечатление. Все было очень запущенным и грязным. Там я видел также семьи с детьми. Их вид причинял мне боль. Но мне говорили, что не хотели бы разделять детей с их родителями, если они были отправлены в лагерь. Несколько детей были заняты также веселой игрой в мяч. Тем не менее, думаю, что детям не место в лагерях для интернирования — и то, что англичане тоже поступали так, например, на Англо-бурской войне, это плохое оправдание. Я говорил это также моему начальнику. Его ответ: «Я разделяю Ваше мнение — но я не могу это изменить».

Моим заданием было отобрать сто работников для окучивания плантаций растения кок-сагыз в Биркенау. Это происходило следующим образом. На перекличке заключенных спросили, готовы ли они к этой работе и приходилось ли им уже что-то такое делать. В большинстве случаев вызывалось больше людей, чем было нужно. Тогда происходила «сортировка». Эту «сортировку» позже интерпретировали неверно. Естественно, заключенным хотели дать занятие — да и сами арестанты хотели работать. Сортировка заключалась только в том, чтобы проверить, подходили ли заключенные по своему предрасположению, своим умениям, своему мастерству, а также и по своему физическому состоянию для работы.

Заключенные из Биркенау на плантации кок-сагиз

Факт состоит в том, что в Освенциме было больше людей, чем имелось рабочих мест или чем их могло быть создано. Естественно, мне было важно, чтобы я получил рабочие руки, которые уже работали в сельском хозяйстве. Там евреи отсутствовали. Очень хорошими работниками были поляки. Цыгане были абсолютно непригодными. Команда 11, так называлась наша женская рабочая колонна из Биркенау, ежедневно прибывала в Райско и работала вне цепи сторожевых постов на полях каучуконосов. Я почти ежедневно имел дело с этими людьми из Биркенау и также охотно выслушивал их жалобы. Однажды я увидел, как часовой-эсэсовец ударил в зад одну из женщин. Я призвал его к ответу. Женщина якобы обозвала его «нацистской свиньей», оправдывался он. Но факт был в том, что сначала сам часовой оскорбил женщину.

Я сообщил начальству об этом инциденте, и эсэсовца перевели в штрафной батальон в Данциг. С этого дня я пользовался большим уважением у заключенных, особенно из команды 11 из Биркенау. Все чаще арестанты приходили ко мне, когда у них были просьбы или жалобы. Я делал все, что мог, так как для меня заключенные были не врагами, а интернированными. Часто я оказывал им также услуги, которые нарушали инструкции.

Я мог доставить им самую большую радость, когда брал их с собой на прогулку к реке Суле и в жаркие летние дни 1944 разрешал им в ней купаться.

В остальном окучивающая бригада из Биркенау была веселой кучкой. Она пела свои польские народные песни во время работы, и цыгане добавляли к этому свои танцы.

Сначала меня возмущала и вызывала озабоченность плохая упитанность работников, но потом я узнал, что заключенные попадали в лагерь в очень плохом состоянии, и требовалось некоторое время, прежде чем они могли откормиться. Часто я обедал с ними из их котла, и это шло мне на пользу. Но у команды 11 были также тайные источники продовольствия. Они приносили самые чудесные вещи из своих тайных убежищ. Ночью эти убежища снова и снова наполнялись их друзьями. Также случалось, что эти друзья надевали одежду заключенных и маршировали с другими арестантами в лагерь, а вместо этого другой арестант получал несколько дней отпуска. Освенцим находился в Польше, и местное население помогало арестантам, насколько хорошо оно умела это — даже если это и не разрешалось.

Заключенный на полевых работах (большей частью с лошадями). Его охраняет часовой на большом удалении. Здесь подготавливается культура холмиков.

Немецкие оккупационные войска и, прежде всего, так называемая гражданская администрация часто, как мы все знаем, поступали так, что не могло вызвать хорошего отношения к ним у местного населения. Мероприятием, которое совсем не нравилось мне, была экспроприация земли у польских мелких крестьян. Они должны были отдавать свою землю для сельскохозяйственных предприятий, которые принадлежали к концлагерю Освенцим.

Все же, мне говорили, что они за это получили компенсацию, таким же образом как другие земельные собственники, которые должны были отдавать свою землю, например, для строительства автобанов. Я не считал также правильными мероприятия по переселению, но меня снова и снова заверяли, что они никогда не происходили в принудительном порядке. Лишение свободы это жестокое мероприятие — но война была еще жестче, и она становилась также для нас все жестче и все более жестокой. Осенью 1944 года концлагерь в Освенциме впервые разбомбили американские летчики. Жертвами стали примерно двадцать заключенных. Я сам потерял веру в окончательную победу с удавшейся высадкой союзников на французском побережье Ла-Манша — во всяком случае, ко мне уже приходили сомнения. Сообщения с фронта становились все более разочаровывающими, да и заключенные тоже были хорошо проинформированы — черт знает через кого. Однако о заключенных лагеря в нашей области по-прежнему хорошо заботились. Оберштурмбаннфюрер А. добился того, чтобы раз в неделю в наш лагерь приезжала кинопередвижка.

Мы вместе с арестантами смотрели, среди прочего, такие фильмы, как «Мюнхгаузен» и «Золотой город». Фильм «Еврей Зюс», конечно, заключенным не показывали, а также не показывали и пропагандистские фильмы вроде «Кольберга» и «Кадетов». В общем помещении могли также проводиться богослужения для заключенных. Я сам посещал различные богослужения и должен сказать, что они были порой очень торжественны, особенно службы русской православной общины, к которой принадлежали наши русские гражданские служащие. Среди заключенных лагеря образовалась также театральная группа, и однажды вечером они пригласили нас на премьеру «Фауста». Актеры не смогли бы сыграть лучше.

Я сам охотно взял бы к зиме снова отпуск для учебы, но положение на фронтах было серьезным, и перспективы были плохи. Мне предложили курсы заочного обучения. Я попросил прислать мне книги. Один арестант, еврейский врач из Праги, предложил зубрить материал со мной. Так я каждый день получал дополнительные уроки от заключенного. Это было возможно в Райско. Евреи были умными, и они были, насколько я познакомился с ними в Освенциме, также очень милыми людьми. Летом моей матери разрешили на несколько дней приехать ко мне. Естественно, сразу завязалась крепкая дружба между моей матерью и Ольгой. Однажды вечером моя мать спросила меня о крематории, где сжигали людей. Мне ничего не было известно о наличии такого устройства. Я решил спросить Ольгу.

Она также не могла сказать мне ничего точного, но зарево пожара всегда якобы можно было видеть в направлении на Белиц. Я поехал в этом направлении и нашел шахту, на которой тоже работали заключенные. Я объехал весь лагерь и исследовал все очаги и все дымящие трубы. Однако я ничего не нашел. Я расспрашивал моих коллег, но ответом было только пожимание плечами и «мне не стоит верить всяким слухам». В Освенциме был крематорий; так как здесь жили 200.000 человек, и в каждом крупном городе с 200.000 жителями тоже был бы крематорий. Здесь, естественно, люди также умирают — и отнюдь не только арестанты. Жена оберштурмбаннфюрера А. тоже умерла здесь. Этого ответа для меня было достаточно.

Я за время моего пребывания в Освенциме не заметил даже самых незначительных признаков массового убийства газом. Также запах сожженного мяса, который якобы часто нависал над лагерем, — это абсолютная ложь.[2]

Поблизости от главного лагеря была большая кузница. Запах от выжигания подков, естественно, не был приятен. Впрочем, сегодня начальник этой кузницы живет в соседнем с моим селе. Вообще облегчения лагерного режима становились все великодушнее. В главном лагере был устроен бордель для мужчин. Любовь и того что к ней относится, — пожалуй, кое-что человеческое, и этого нельзя лишать также и интернированных. Естественно, были также влюбленные пары среди заключенных. Предотвращал ли теперь это публичный дом, это я рискну подвергнуть сомнению. Но то, что в Освенциме были публичные дома для заключенных, умалчивают во всех послевоенных рассказах. Талон на бордель был своего рода премией за хорошее поведение. Однако были арестанты, которые бросали этот талон в лицо своему капо. Прошу внимания! Мне это представляется особенным видом хорошего поведения.

История о кремации вызвала разногласия между Ольгой и мной. Уже давно эта женщина с ее вечной болтовней действовала мне на нервы. Ее услужливость была для меня слишком покорной, слишком рабской. Мне такое не нравилось. Она получила новое задание, в котором я бы ей не позавидовал. Ее направили как «надзирательницу» в женский лагерь, и она должна была наблюдать за тем, чтобы никакие заключенные-мужчины не попадали в женский лагерь без разрешения.

Ольга могла так чудесно ругаться — и нужно было видеть ее радость, когда она выгоняла мужчин из женского лагеря. Другие арестанты назвали ее «цербером» (адским псом).

Добрая Ольга, что же могло, пожалуй, с ней случиться? В коммунистическую Польшу она не хотела возвращаться[3] —

почти никто из польских арестантов не хотел этого — и евреи тоже не хотели. Очень многие из них даже еще молились за победу немцев. Как я узнал от моего коллеги, оберштурмфюрера доктора Ц., которого я посетил только недавно, многие из бывших заключенных теперь в США. Он еще переписывается с некоторыми. Некоторые из них были также готовы, дать свидетельские показания в пользу обвиненных офицеров СС на процессах о концлагере, но их едва ли допустили. Тогда эти сообщения пошли по национальной прессе.

Отчет Красного креста, широкое распространение которого не было позволено

Перевод резюме:

> *Сентябрь 1944 года. Отчет Международного Красного креста об Освенциме P. 91 и 92. Делегат Красного креста сообщает, что заключенные могли получать посылки, что офицеры, с которыми он вступал в контакт, были любезны и сдержанны, как и те в Ораниенбурге и Равенсбрюке, что он видел много групп мужчин и женщин, включенных в маленькие специально выделенные рабочие бригады, что член британского Красного креста, одновременно военнослужащий британских коммандос, высказал делегату Красного креста слухи о газовых камерах, делегат Красного креста, напротив, после тщательной перепроверки не смог подтвердить эти слухи.*

В Освенциме не было тайн. В сентябре 1944 комиссия Международного Красного креста прибыла в Освенцим для инспекции. Однако она больше интересовалась лагерем в Биркенау.[4]

У нас в Райско было очень много посещений — но больше всего приезжало людей, которые интересовались нашим растениеводством. В этих экскурсиях я сам часто принимал участие. Хотя, собственно, не было разрешено, чтобы посетители беседовали с заключенными, арестанты должны были, все же, давать преимущественно комментарии о своей работе.

Тогда мы делали первые опыты с колхицином. Кохицин — это яд, получаемый из осеннего безвременника (Colchium autumnale). Нам удавалось с помощью этого яда препятствовать редукционному делению при делении клетки, и растение получало тогда двойное число хромосом. Такие растения стремились к огромному росту.

Разумеется, это происходило за счет плодородия растений. Получение семян все еще играло большую роль. Сбор этих семян был совсем не так прост из-за семянок (летающих семян так же, как у одуванчика). Я с несколькими искусными арестантами и русскими агрономами начал конструировать уборочную машину. Среди наших людей было несколько искусных ремесленников, а

также вполне прилично оборудованные цеха. Несколько русских агрономов работали с так называемой «ионогальванизацией». Для этого заключенные создали приборы, которые работали с ультракороткими волнами. Я доставал материалы для создания этих устройств с фабрики по разборке самолетов.

На этом предприятии разделывались упавшие и сбитые самолеты. аключенные находили там также материалы для сборки маленьких радиоприемников. Их, естественно, нельзя было брать с собой в лагерь. Я сам в Освенциме превратился в маленького радиофаната. Моими учителями были заключенные, и они обеспечивали меня всем, в чем я нуждался для сборки маленьких приемников.

Группа посетителей, состоящая из сельскохозяйственных зондерфюреров

В Освенциме занимались, естественно, не только растениеводством. Были и бесчисленные другие исследовательские задачи. Из-за того, что там было много неиспользованных рабочих рук, в Освенцим перемещалось все больше исследований. Здесь тогда было также более безопасно в отношении ночных бомбардировок. Примерно каждые две недели офицеры устраивали общую встречу, в СС это называлось вечерней встречей командного состава в офицерской столовой. Там кто-то из начальников отдела должен был делать доклад о круге своих задач. Я услышал там очень много интересных докладов, но не могу вспомнить ни о чем предосудительном. Позже я слышал, что в Освенциме проводились опыты на живых людях. Вспоминаю, что однажды услышал доклад о развитии эмбриона в лоне матери при самых различных условиях питания

матери. Не могу сказать, должны ли были эти женщины выносить ребенка в условиях лечебного голодания. Однако тогда было сказано, что эти опыты дали в итоге очень важные сведения о питании беременных женщин. Сообщения об испытаниях новых лекарств на арестантах кажутся мне не очень достоверными. Один доктор в А. рассказывал мне, что новые медикаменты только тогда применялись для людей, когда их испытания на животных уже закончились. Но ведь и сегодня, конечно, тоже происходит точно так.

Я вспоминаю, что в одном фильме об Освенциме, который я видел по телевизору после войны, показывали здание поблизости от главного лагеря, у которого были огромные дымовые трубы. Это якобы должен был быть крематорий. Мне теперь очень жаль, но когда я покидал лагерь в Освенциме в декабре 1944 года, я не видел там этого здания. Я также не могу себе представить, что в течение холодной зимы 1944/45 годов там еще могли бы построить из камня эти дымовые трубы. У меня есть подозрение, что этот объект там построили только после войны. Невероятным мне также представляется, чтобы СС при эвакуации не разрушили эти здания, если бы они действительно там были. Как раз в течение этих дней я еще слушал сообщение по радио, согласно которому только в Освенциме якобы были расстреляны четыре миллиона человек. В Освенциме определенно не расстреливали людей, так как это было бы слышно. Разумеется, я вспоминаю о большом волнении, которое однажды возникло в нашем лагере, когда распространился слух о том, что предстоит расстрел заложников. Этот вид мести — самый ужасный, который я только могу вообразить, так как он касается невиновных людей. То, что такие расстрелы были — по эту и по ту сторону — вероятно. Но если бы за каждую жертву бомбардировок захотели бы убить одного заключенного, то, вероятно, из двухсот тысяч заключенных никто не остался бы в живых. Если подумать, что Освенцим находился в эксплуатации только примерно четыре года, тогда там за один год должен был умирать миллион человек, или примерно три тысячи в день. Каким же должен был быть крематорий, в котором ежедневно нужно было бы сжигать три тысячи человек? Но даже братские могилы в этих масштабах нельзя было бы утаить.

Но немецкий народ продолжает верить в массовые убийства в концентрационных лагерях. Почему, собственно? Разве мы все, мы, которые знаем правду, не взвалили на себя огромную вину? Почему же мы так долго молчали?

Я хочу попытаться ответить на этот вопрос:

1. Мы вовсе не молчали…, однако, никто не хотел слушать

наши рассказы, ни одна газета их не публикует, ни одно издательство их не печатает.

2. Также сегодня есть еще достаточно много живых свидетелей, которые могли бы подтвердить мои показания и сами дать похожие свидетельства. Но чего у нас нет, так это беспристрастного правового государства. И говорить правду было бы чистым самоубийством.

3. Я еще не устал от жизни, но своей цели в жизни я уже достиг, мои дети обеспечены, и моя жена, достигнув 65-летнего возраста, получит заслуженную пенсию, которую у нее никто не сможет отнять, даже если со мной что-то случится.

4. Я сам своей продолжительной деятельностью в качестве журналиста и в качестве издателя «КРЕСТЬЯНСТВА» и «КРИТИКИ» создал себе свой маленький круг читателей, и теперь я могу также с помощью НЕМЕЦКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ сам напечатать мой рассказ о пережитом, не попадая ни к кому в какую-либо зависимость.

5. Говорят — и, к сожалению, также члены и избиратели больших партий: «Только признание нашей вины в развязывании войны и в уничтожении шести миллионов евреев позволило нам снова быть принятыми в общность народов. Тот, кто оспаривал бы это, нанес бы немецкому народу большой вред».

6. Однако с опровержением массовых убийств в концентрационных лагерях не только немецкая послевоенная политика стала бы ошибкой, но и послевоенные политики должны были бы тогда согласиться с тем, что они проводили абсолютно ошибочную политику. Но этому же никто не позволит случиться.

7. Но были также трусы, лжецы и купленные свидетели. Некоторые из обвиняемых, которые должны были бы точно знать, что обвинения против них являются ложными, тем не менее, сделали нужные признания, так как они думали — и их наверняка в этом убеждали — что если они будут подыгрывать обвинению, то смогут добиться для самих себя преимуществ. Но нужно учесть, что есть также возможность того, что признания у подсудимых выбивались пытками. Также об этом есть свидетельства.

Как могло бы измениться поведение нашего народа, особенно также нашей молодежи, если бы она убедилась в невиновности своих отцов? Вина может тяжело тяготеть над человеком и приводить его в рабскую зависимость. Это как раз то, чего хотели достичь победители — и они не потерпят того, чтобы плоды их лжи, которые они теперь пожинают, пропали.

Я записал мои воспоминания так, как я испытал их и как они

памятны мне. Я говорил правду, такую правду, что Бог помог бы мне. Если бы это мое свидетельство смогло способствовать тому, чтобы снова вызвать у нашей молодежи большее уважение к их отцам, которые как солдаты сражались за Германию — и вовсе не были преступниками, тогда я был бы очень счастлив.

Кэльберхаген, 3 января 1973 года

Тис Кристоферсен

Тем не менее!
Война лишила нас свободы и права.
Мы все еще оккупированы победителями;
Но честь никто не может отобрать у нас!
И постоянно ложь сопровождает нас.
Мы поверили в наши цели
И враг также подстрекал нашу молодежь,
И нам совершенно нечего стыдиться!
В конечном итоге мы победим!
Борьбу за свободу, за право и мораль,
Ее нужно вести с усердием.
И пусть врагов так много по количеству,
Мы не проиграем бой!

Рената Шютте
Посвящается Манфреду Рёдеру

Послесловие

Приведенный выше рассказ — это свидетельство о пережитом. Из многих писем я узнал, что этому свидетельству поверили — но оно все-таки не опровергло предполагаемые ужасные преступления.

Меня упрекают, что я просто не мог видеть всего, а ведь массовое убийство газом совершали в тайне. Но публикация этого свидетельства способствовала тому, что серьезные историки снова приступили к дальнейшим исследованиям. В Германии это был историк Удо Валенди, который еще перед публикацией этого сообщения приводил доказательства того, что многие фото-«документы» на самом деле представляли собой фотомонтаж или рисунки художника.

В США профессор Артур Батц выпустил в 1977 году книгу «The Hoax of the Twentieth Century» (Вымысел двадцатого века, немецкий перевод вышел в издательстве «Verlag fuer Volkstum und Zeitgeschichte», Флото, под заголовком «Обман столетия»). В Англии это был Ричард Харвуд с его работой «Did six миллион really их?» (немецкий перевод: «Действительно ли умерли шесть миллионов?»)[5]

В Германии книги бывшего заключенного концлагеря француза Поля Рассинье больше не продаются. Книги «Ложь Одиссея» и «Что такое правда?», а также «Драма евреев Европы» больше не печатаются — хотя о новом издании и объявляли.[6]

Публикация этих работ, естественно, неприемлема для господствующих формирователей общественного мнения. Нам самим пришлось узнать это. Было много судебных процессов, и в Карлсруэ было высказано право оккупационных властей. Эти процессы стоили нам много денег. Санкции, запреты и домашние обыски не заканчиваются. Издательство, которое зависит от прибыли, не может взвалить это на себя. Итак, они молчат — и продают книги, которые не оспариваются. Мы не молчим.

Как долго мы еще продержимся, я не знаю. Теперь конфискованные книги и статьи печатаются за границей и отправляются оттуда. В настоящее время меня самого приговорили к тюремному заключению на общий срок десять месяцев, которое пока что было назначено условно.

Мое желание — это публичное возражение, выражение представления, противоположного общепринятому — и оно должно быть позволено в свободной демократической стране.

Тис Кристоферсен

_____

[1] Смотри Хайнц Рот, Оденхаузен

[2] В первое время умерших в Освенциме хоронили в земле. Но из-за высокого уровня грунтовых вод между реками Вислой и Сулой (1 метр) это больше не было возможно. Специально выделенная группа рабочих под командой шарфюрера Молля (прежде садовника в Райско) должна была снова выкапывать эти трупы и потом их сжигать. Об этом процессе рассказываются сегодня самые невероятные истории. (Источник: свидетельство оберштурмфюрера Ц.)

[3] Ольга после войны, тем не менее, вернулась в коммунистическую Польшу и погибла там в автокатастрофе три года назад. Ее настоящим именем было «Стеффа».

[4] Сегодня Международный красный крест в Женеве пытается это отрицать. Они утверждают, что их делегатов в сентябре 1944 года якобы допустили только до бюро коменданта лагеря. Это просто неправда! Я сам видел машины МКК, когда они ехали в Биркенау. (Источник: Открытое письмо доктора Штэглиха в Международный красный крест и их ответ от 28.4.78 PV/gr).

[5] Все эти книги можно заказать в издательстве «КРИТИКА», 2341 Моркирх

[6] Теперь книга Рассинье вышла в издательстве Druffel.

[7] Имеется в виду Рудольф Хёсс

Свидетель доктор Георг Конрад Морген

Свидетель доктор Георг Конрад Морген, в настоящее время адвокат во Франкфурте-на-Майне, давал показания перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге (IMT) о том, что он проверил ряд концентрационных лагерей в качестве судьи СС. Я приведу несколько цитат из его показаний:

Морген: Мной были проверены Бухенвальд под Веймаром, Люблин, Освенцим, Заксенхаузен, Ораниенбург, Хертогенбосх, Краков, Плашов, Варшава и концентрационный лагерь Дахау. Насколько мне помнится, были еще и другие. В Кракове и Варшаве по моим сведениям не было концентрационных лагерей. То, что свидетель там мог бы исследовать, остается для меня неясным. Что такое Плашов, я не знаю. Концентрационный лагерь Плашов, на севере от Кракова, должен был существовать, если верить Джеральду Рейтлингеру.

Адвокат Пайкманн: Сколько примерно случаев Вы расследовали? Сколько были приговорены? Сколько было смертных приговоров?

Морген: Я обработал примерно 800 случаев, это значит 800… примерно 800 документов, причем один документ охватывал несколько случаев.

За время моей деятельности примерно 200 дошли до осуждения. Я лично арестовал 5 комендантов концентрационных лагерей, двое были расстреляны после судебного процесса.

Адвокат Пайкманн: Возникло ли у Вас впечатление и в какое время, что концентрационные лагеря были местами уничтожения людей?

Морген: У меня не было такого впечатления. Концентрационный лагерь — это не место уничтожения людей. Я должен сказать, что уже первое посещение концентрационного лагеря — я упоминал, что первым лагерем для меня был Бухенвальд под Веймаром — оказалось для меня чрезвычайной неожиданностью. Лагерь лежит на лесистых высотах с чудесными видами, строения чистые, недавно покрашенные, много газонов и цветов, арестанты были здоровы, нормально накормлены, загорелые, от какого-то особенного темпа работы…

Председатель: О какой дате Вы говорите?

Морген: Я говорю о начале моих расследований, в июле 1943 года.

Адвокат Пайкманн: Какие правонарушения Вы установили?

Морген: Простите, я еще… я могу продолжить?

Адвокат Пайкманн: Говорите несколько короче.

Морген: Прочие учреждения лагеря были в безупречном порядке, особенно больница. Руководство лагеря в руках коменданта Дистера было направлено на то, чтобы подготовить для заключенных достойное человека существование. У заключенных была свобода почтовой переписки и получения корреспонденции, у них была большая лагерная библиотека, даже с иноязычными произведениями, у них были варьете, кино, спортивные соревнования и даже бордель. Все другие концлагеря были обустроены приблизительно так же, как Бухенвальд.

Цитируется из: Вольф Дитер Роте «Окончательное решение еврейского вопроса».

Доктор Морген дал обширные показания также о мнимых убийствах газом. В этом отношении он поддался на ложь комиссара уголовной полиции Вирта, как подтвердил Хеннинг Фикеншер в своей монографии.

Высказывания доктора Моргена об общей ситуации в концентрационных лагерях основываются, напротив, на его собственных впечатлениях.

Прислано адвокатом Э. Энгельхардтом из Нюрнберга

Никаких «газовых камер»

Голос из Америки

Американский судья Стивен С. Пинтер, который как военный юрист находился в составе американской оккупационной администрации в Дахау после войны и, очевидно, порицал то, что проводилось там от имени Соединенных Штатов, писал в американской католической еженедельной газете «Our Sunday Visitor»: «Я после войны на протяжении 17 месяцев был в Дахау как адвокат американского военного министерства и могу засвидетельствовать, что в Дахау не было газовых камер. То, что там показывалось посетителям и туристам и ошибочно описывалось как 'газовые камеры', было крематорием. Также не было газовых камер в каком-либо другом концентрационном лагере в Германии. Нам рассказывали, что в Освенциме якобы была одна газовая камера, но так как он находился в русской оккупационной зоне, расследование нам не было разрешено, так как русские этого не допускали».

Из «Немецкого голоса» (Die Deutsche Stimme) 3-ий год выпуска, номер 5

Примечание: Тем самым еще ничего не сказано об Освенциме. Тем не менее, это письмо очень важно, так как ведь сначала тоже говорилось об «убийствах газом» в концлагерях на территории собственно Германского Рейха, да еще и сегодня иногда говорят об этом.

В 06.06.1977 газета «Мюнхенер Меркур» в статье господина Герберта Азама еще писала «Как пытали и убивали в Дахау». В дальнейшем в той же газете сообщается, что архиепископ Лефебвр был в гостях у принцессы Паллавичини. В этой статье утверждается, что родители архиепископа были убиты газом в Дахау.

Наша читательница госпожа Каролина Эдерер из Мюнхена написала об этом письмо архиепископу. Ей сообщили, что отец священника умер, вероятнее всего, в концентрационном лагере Зонненберг в марте 1944 года, а его мать умерла на родине естественной смертью.

О депутате ХДС Эрике Блюменфельде из Гамбурга известно, что он был в концлагере Освенцим. Я написал ему приветливое письмо и попросил о беседе. Он тоже ответил и сообщил мне, что

он охотно поговорил бы со мной, но в данный момент нет смысла договариваться о дне встречи, так как у него сейчас нет времени. Затем я отправил ему мои вопросы в письменном виде. Это вопросы, которые я задаю снова и снова.

1. Когда Вы были в Освенциме?
2. В каком лагере и в каком блоке Вы были?
3. Использовали ли Вас для работы — и где Вы работали?
4. Можете ли Вы назвать мне еще имена и адреса ваших товарищей по заключению или охранников из СС?
5. Вручали ли Вам письма и посылки — и могли ли писать Вы сами?
6. Могли ли Вы посещать столовую, кинотеатр в лагере, богослужения?
7. Знаете ли Вы лагерь в Райско?
8. Где, по Вашему мнению, были устройства для убийства людей газом?
9. Видели ли Вы сами эти устройства?
10. Сколько людей было, по Вашему мнению, отравлено газом в Освенциме?
11. Как и где устранялись трупы?
12. Узнали ли Вы то, что Вы сегодня знаете об Освенциме, из собственного опыта, или Вы узнали об этом только после войны?
13. Получили ли Вы компенсацию за пребывание в заключении? Если да, в каком размере и от какого учреждения?
14. Должны ли были Вы высказываться как свидетель обвинения на процессах против «национал-социалистических преступников»?
15. Смогли ли Вы оправдать также бывших эсэсовцев или людей из управления лагеря — и знаете ли Вы еще имена (и, возможно, адреса) этих людей?
16. Знаете ли Вы появившуюся в нашем издательстве книгу «Die Auschwitz-Lüge»?
17. Думаете ли Вы, что это служит взаимопониманию между народами, когда еще сегодня, через 30 лет после окончания войны, продолжаются обвинения друг друга в зверствах?

Я опубликовал это письмо с вопросами в «КРЕСТЬЯНСТВЕ» 4/75. Я не получил ответа от господина Блюменфельда.

Примечание: У меня есть безотлагательная просьба ко всем читателям задавать те же самые вопросы, если Вы слышите о ком-то, что он был в концлагере. Если Вы получите ответ, я был бы весьма благодарен Вам, если бы Вы послали мне его копию.

Мой адрес: Thies Christophersen, 2341 Mohrkirch.

Бывший господин обер-бургомистр из Франкфурта, господин Арндт, писал нашему товарищу Шёнборну, что его отец и сестра его матери были «убиты» нацистами. Он писал: «Поэтому Вы вполне можете представить себе, что я очень точно знаю, где нужно искать обвиняемых в этих преступлениях».

Я написал также и господину Арндту приветливое письмо и не получил никакого ответа.

Бывший федеральный канцлер, господин профессор Людвиг Эрхард, уже в январе 1974 года писал нашему читателю господину Зиберу в Бремене, что Адольф Гитлер как разрушитель Германской империи был ответственен за убийства миллионов людей.

«Польское еженедельное обозрение» (Polnische Wochenschau, выходящее в Варшаве на немецком языке) номер 46/47, 00-51-91 Warszawa, Jerozolimskie 7, SP. 898, писал о «Лжи об Освенциме», что против меня открыли предварительное следствие и передали доказательства обвинения прокуратуре во Франкфурте-на-Майне. Газета сообщает, что против меня якобы был начат формальный процесс расследования, однако, сама она считает, что было бы сомнительно, чтобы я из-за этого когда-нибудь мог бы предстать перед судом.

Наш друг и читатель доктор Вагнер из Халльвангена опубликовал в «Шварцвальдер Ботен» читательское письмо под заголовком «Массовых убийств газом в Освенциме не было». Затем многочисленные читательские письма, которые утверждали обратное, были опубликованы в этой же газете. Так господин Фриц Хаас из Фройденштадта писал о «преступлениях, которые остаются непостижимыми».

Господин Антон Айтинг из Гайлингена знал о многочисленных письменных подтверждениях нацистских зверств.

Господин доктор Пауль Арнсберг из Франкфурта заметил, что нужно, по крайней мере, чтить память погибших. Против этого ничего нельзя возразить, только вот я никогда не видел и не слышал, чтобы наши военные противники возлагали венки в память о жертвах массированных авианалетов.

Господин Клаус Шютцле из Обердорфа писал, что имеются очевидцы, которые могли бы сообщить об убийствах газом.

Господин Бруно Вайнманн из Ааха придерживался взгляда, что причиной для новой несправедливости могло бы стать, когда указывают на преступления других народов и отрицают собственную вину.

Я постарался узнать точные адреса всех авторов читательских писем и написал им дружелюбное письмо.

Господин Вайнманн написал мне, что его знания ограничивались тем, что «вообще известно всем», но он назвал мне еще одного очевидца, его еврейского друга господина Поольмана из Бойзекома, проживающего по адресу Gaapstraat 46, Амстердам, тел. 020-449139.

Естественно, я написал господину Поольману и не получил никакого ответа.

Господин Айтинг писал мне:

«В течение 68 лет моей жизни моя судьба ставила меня на зрительскую скамью, и я во время двух мировых войн не видел ни одного мертвеца, который погиб бы насильственной смертью».

Свои знания он взял из передач швейцарского радио, а позже из чтения книг и газет.

Господин Тапе сообщил мне, что ему уже больше 83 лет и он больше не может писать письма сам. *(А кто же писал читательское письмо от его имени?)*

От господина Хааса, господина Аренсберга и господина Шютцле я не получил ответа.

Господин Роберт Роло из Мюнхена писал мне о двух авторитетных людях, которые могли бы дать свидетельства о состоявшихся в Освенциме казнях газом. Один из них даже был якобы политзаключенным, который придерживался сегодня хорошего мнения о Третьем Рейхе. Господин Роло — это читатель нашего «КРЕСТЬЯНСТВА». Я попросил его, чтобы он назвал мне адреса этих свидетелей. Он их мне не сообщил.

Даже знаменитый летчик полковник Ганс-Ульрих Рудель поверил в убийства газом. Он писал в письме нашему другу Клаусу Хушеру: «На самом деле правда, что касается убийств газом в Освенциме. Естественно, число жертв неправильно. Это только малая доля от шести миллионов, но казни газом были». Он назвал в качестве свидетеля Вима Зассена, Санта-Фе 782, P 15 k, Acasusso, провинция Буэнос-Айрес, Аргентина. Господин Зассен якобы написал подлинные мемуары господина Адольфа Эйхмана, с которым он был вместе пять лет. Я написал господину Зассену и не получил никакого ответа, но у адвоката Рёдера была возможность поговорить с господином Зассеном. Господин Зассен так запутался в противоречиях, что отказался от своих утверждений. Его извинение: Господин Рудель наверняка неправильно его понял.

Один читатель порекомендовал мне, чтобы я попросил документы о массовых убийствах газом в Освенциме в Израиле. Я написал господину доктору Розенкранцу в Яд-Вашем, Иерусалим, P.O.B. 84. Также от него я не получил ответа. Однако я получил с другой стороны от его института письмо, в котором

утверждалось, что к еврейским потерям должны причисляться также еще не рожденные дети.

Также господин Поль Марен Бур, зубной хирург, Страсбург, 2 Rue Ecrivains, который сам был в Освенциме, назвал его «самой безумной человеческой бойней» и писал, что людей там «ежедневно толпами гнали в газовые камеры». Также он не ответил на мои вопросы.

Можно было бы опубликовать еще много отрывков из писем, которые сообщают об ужасах в немецких концлагерях.

Они частично так недостоверны и полны противоречий, что должны вызвать сомнения у каждого мыслящего человека.

Моим намерением было привести цитаты из следующих книг:

Абба Эббан: «Это народ мой», магистр Казимеж Смолен: «Освенцим — экскурсия по музею», издательство Государственный музей Освенцима, 1970 год: «Освенцимские тетради номер 12». Я хотел бы порекомендовать авторам, которые в будущем распространяют ужасную ложь об Освенциме, чтобы они сначала договорились между собой.

Во что-то в этом роде верят

Например: «… О размерах этих костров может свидетельствовать тот факт, что сильный запах от сожжения трупов распространился на много километров. Все население даже более далеких окрестностей города Освенцим начало говорить о сожжении евреев. Хёсс сообщает, что даже немецкая противовоздушная оборона, которая была расположена вблизи от Освенцима, протестовала против видимых издалека костров…» *(Освенцим — экскурсия по музею, стр. 27 и дальше)*. И в дальнейшем в той же самой книге сообщается: «… Там, перед стеной здания… стоят очень спокойно несколько фигур в полосатой одежде. Их лица повернуты к стене… Позже они узнают, что эти спокойно стоящие фигуры — это заключенные и сейчас они ждут своего расстрела. Он происходит после вечерней поверки…» (стр. 9 той же книги). «… Из-за издевательств надзирателей-эсэсовцев ванная после работы была только формальностью, и часто она служила лишь предлогом для жестокого обращения с арестантами. По сообщению очевидца Казимежа Боровца, шахтера с шахты «Костюшко», несколько душей были предназначены для заключенных; они купались отдельно. Для раздевания и помывки им оставляли только несколько секунд. Арестант бежал под очень горячим душем и тут же снова выпрыгивал назад с криком. Тогда на них натравливали собак *(жароустойчивая порода собак, специально выведенная для этой цели)*, они бросались на людей, и, кусая, гонялись за голыми под душем. Тех, кто полностью ошпаренные, теряли сознание и падали в обморок, оттягивали в сторону и позже относили в соседний лагерь…» *(Освенцимские тетради 12, стр. 83)*.

В «Зюддойчер Цайтунг» в апреле 1978 года под темой: «Как пытали и убивали в Дахау» были опубликованы некоторые читательские письма Герберта Азама, Ландсбергер Штрассе 447/7, 8 Мюнхен 60, и графини Марианны фон Шверин, Кунигунденштрассе 4, 8 Мюнхен 40.

Я сразу написал обоим этим людям и задал обычные вопросы. Я не получил ответа до сегодняшнего дня.

Почти ежедневно в западногерманских газетах печатаются читательские письма, которые сообщают о зверствах немцев. Моя безотлагательная просьба всем сознательным немецким патриотам: «Сразу пишите этим людям!»

Примечание:
Графиня фон Шверин, тем не менее, позже ответила. Она

написала: «Источником моего высказывания является госпожа Анни Остер, Хохштрассе 24, 8060 Дахау. Госпожа Остер — урожденная жительница Дахау. Молодой девушкой она с неслыханным мужеством и большим интеллектом добилась для себя доступа в концлагерь, чтобы добиться облегчения условий содержания для заключенных в нем людей. Она охотно готова дать Вам информацию. Анни Остер является женой отставного генерала Остера, а он в свою очередь — сын генерала Ганса Остера из тогдашнего Абвера (военной контрразведки) в Берлине, оказавшего решающее влияние на немецкое сопротивление Гитлеру».

Я написал госпоже Остер, среди прочего, следующее: «… Что Вы знаете о пытках в Дахау? Опубликовали ли Вы уже где-нибудь Ваши наблюдения — или дали свидетельские показания? Если да, то в каком суде? Кто был жертвами, и кем были преступники? Известны ли Вам сегодняшние адреса этих людей? Я был бы очень рад получить от Вас ответ…»

Ответ:… до сегодняшнего дня я никакого ответа не получил.

Даже если адрес не был указан, Вы можете послать Ваше письмо редакции соответствующей газеты. Было бы хорошо, если бы Вы задали несколько вопросов (смотрите мои вопросы к депутату бундестага Эрику Блюменфельду, стр. 48) этим авторам писем.

Радио Дойчланд-Функ в Кёльне в начале 1974 года передавало программу на тему «Последние дни в Треблинке», подзаголовок «Очевидцы сообщают о восстании 30 лет назад».

Наш читатель Х. П. Эффмерт в Хайнебахе написал 25.02.1974 письмо этой радиостанции и попросил сообщить ему адреса обоих свидетелей Рихарда Глазы и Самуэля Райсманна. Ответ был: «… что адрес господина Райсманна неизвестен, и адрес господина Глазы «по хорошо понятным причинам не может быть сообщен», так как он пережил два «исключительных побега», один из Треблинки и позже из коммунистической Чехословакии». Господин Эффмерт сделал еще запрос центральному отделению управления юстиции в Людвигсбурге и хотел знать подробности о массовой казни в районе Люблина 40.000 евреев, которую якобы совершили различные командиры СС только для того, чтобы спастись от обвиняющих их свидетельств по одной коррупционной афере.

Центральное отделение ответило, что земельному управлению юстиции об этом ничего не известно… 407 AR 887/74 — от 11.12.1974.

Интересны, однако, высказывания бывших эсэсовцев, которые теперь — как это называют: «исправились».

Я получил подробное письмо 21.01.1977 от господина Герберта Тэге, Хагхоф, 3067 Линдхорст.

Он писал, что Гиммлеру после убийства Гейдриха передали формальную ответственность за «лагеря смерти». Это был момент, когда начались расследования и приговоры также против членов СС. Также в этот момент по приказу Гиммлера были прекращены «убийства газом». Однако господин Тэге пытается привести, с настоящей немецкой честностью, доказательство, что немецкая вина существует. Но он думает, что немецкое руководство позволило сделать себя «исполнителем чужой воли». Тем не менее, он пытается предъявить также доказательства еврейской вины в произошедшем. В общем и целом он верит, однако, в «массовые казни с использованием газа».

Наверняка работа была бы также легче и для меня, если бы я признал «немецкую вину», вследствие этого я, вероятно, избежал бы уголовного преследования.

Но разве это является моей задачей?

«Немецкой виной» остается деятельность на войне т. н. «оперативных групп» (айнзацкоманд) в немецком тылу.

Господин Тэге писал об этом в «Актуэллер Бильдерцайтунг» от 1.4. 1951: «… Что так сильно осложняет случай приговоренного к смерти командира айнзацгрупп СД Отто Олендорфа, если не говорить о Нюрнбергском процессе, это вообще два пункта:

1. Так называемое признание Олендорфа, согласно которому он якобы ответственен за убийство 90.000 человек; следовательно, он теперь по праву должен умереть.

2. Осуществление защиты Вермахта в Нюрнберге за счет обвинений Олендорфа, которое находит свое последнее проявление в отзыве генерала Хассо фон Мантойфеля; в выступлении в защиту пленников в Ландсберге Мантойфель одним махом требует «казни настоящих военных преступников Олендорфа и Плоля».

В этой статье под заголовком «Отражение из Кореи» Тэге писал, что, по мнению общественности, обвинителям в Нюрнберге удалось переложить большую часть вины на СС.

Здесь, к сожалению, была также вина защитника Вермахта, доктора Латернзера. При этом Олендорф как командир айнзацгрупп занимался тем, что без церемоний уничтожал партизан в тылу воюющих немецких войск. Обвинение в Нюрнберге не могло бы быть предъявлено, если бы этот суд происходил уже после войны в Корее. Из 19 миллионов южных

корейцев погибли примерно 261.000 гражданских лиц, 280.000 были ранены, 160.000 южнокорейских гражданских лиц пропали без вести. Ни один дом, ни одна хижина, ни один амбар, который мог бы защитить противника, не остался пощаженным. Никогда солдаты Объединенных Наций не приступали к более жестким мероприятиям. Вспомните о приказе погибшего американского генерала Уолтона Х. Уокера, главнокомандующего американской армией в Корее. Этот приказ звучал так: С беженцами обращаться как с войсками противника, в пределах зоны боевых действий по ним нужно открывать огонь.

Когда американцы шли в Нюрнберг, эта форма войны им еще не была известна. В Корее они познакомились с ней с возрастающим ожесточением.

Таким образом, становится сомнительным, приговорили ли бы Отто Олендорфа к смерти, если бы процесс против него происходил сегодня. Так как немецкий Вермахт как первая вооруженная сила в мире столкнулся с этой формой борьбы, к которой Советы задолго до этого, еще в мирное время, подготовились самым тщательным образом. Каждый солдат в России познакомился с этим коварным методом ведения войны, и он был бы благодарен, если бы ему помогли такими четкими приказами, как это сделали в отношении своих войск генералы Уокер и Гэй в Корее.

Показаниями Отто Олендорфа не может пренебречь ни один историк

К примеру, более 2.500 мин и фугасов взорвались за немецким фронтом непосредственно до начала генерального советского наступления в 1944 году в зоне ответственности одной группы армий (видимо, имеются в виду действия советских партизан в Белоруссии перед началом операции «Багратион» — прим. перев.). Командование немецких сухопутных войск в России ни интеллектуально, ни по наличествующим силам не могло справиться с этими коварными формами партизанской

войны. На немецкой стороне не было приказов — вроде приказов генерала Уокера. Проблемой пришлось заняться айнзацгруппам.

В Нюрнберге пытались отделить приказы айнзацгруппам от приказов Вермахту. Защитник Вермахта доктор Латернзер извлек пользу из этого положения дел. Он защищал своих клиентов по сути так: Виновны другие…

Другие, это значило — Олендорф. Армия дистанцировалась от того вида ведения войны, которым занимались другие для ее защиты, так как она сама не была подготовлена к этому.

Так дело дошло до приговора Олендорфу; искажающая пропаганда, сознательная недооценка партизанской войны на Востоке, странная согласованность между частью немецкой защиты и обвинением создали мрачную ситуацию.

Ни один историк не может пройти мимо показаний Отто Олендорфа.

Свидетельства бывших заключенных концлагерей

Сопредседатель «Общества христианско-еврейского сотрудничества в Берлине e.V.», Зигмунд Вельтлингер, 10 января 1968 года делал доклад в «Америка-Хаус». Он тоже сказал, хотя он сам был заключенным концентрационного лагеря: «Вплоть до освобождения в 1945 года я ничего не знал о лагерях массового уничтожения».

Меня всегда упрекают, что я сам не был заключенным (арестантом) концентрационного лагеря.

В издательстве Codac Juifs, Bruxelles-Ixelles 1, B.P. 48, вышла книга Бернхарда Клигера под заголовком «Дорога, по которой мы шли».

Мы цитируем отрывки из нее:

«… Введение: Каждым лагерем правил комендант, за ним шли, в иерархической последовательности: начальник лагеря, раппортфюрер (в Освенциме их было три), начальники блоков (блокфюреры), каждый из которых осуществлял надзор за одним блоком, и, наконец, охрана. Все эти люди были членами СС и появлялись — в принципе — не слишком сильно на виду.

В каждом блоке был староста блока, который сам был арестантом. У него была собственная довольно роскошно обставленная комната, он получал лучшее продовольственное снабжение и носил одежду, сшитую первоклассными портными.

Было также много других 'привилегированных лиц' в Освенциме, как например врачи, которые возглавляли образцовую больницу. Некоторые, кто вел роскошный образ жизни в лагере, не могли похвастаться таким же уровнем жизни на свободе».

Страница 18:

«Наконец, лагерь стоял и — нужно согласиться с этим — он был великолепным. Отдельные комнаты были хорошо обставлены, на верхних этажах были построены большие, полные воздуха общие спальни, и, прежде всего, он располагал образцовыми помещениями для помывки и туалетами. Был сооружен роскошный лагерь.

Прокладывали и мостили дороги, устраивали бараки для бань и палаты для дезинфекции, и арестанты, которых доставили в Освенцим из других концлагерей, удивлялись современным и ухоженным строениям.

По-видимому, у первого коменданта Освенцима было честолюбие сделать из его лагеря образцовый лагерь».

Страница 28:

«При Хёсслере [7] лагерь утратил свой характер концлагеря. Для наших условий он стал санаторием. Даже избиения прекратились. Для евреев наступило золотое время, и Хёсслер сам дошел до того, что однажды заявил, что он не видит разницы между имперским немцем и евреем».

Страница 29:

«Эсэсовцы, которые работали в нашей команде, были вполне приемлемыми людьми, кроме немногих исключений. Почти вся работа выполнялась евреями».

Страница 31:

«Унтерштурмфюрер доктор Кунике руководил биологическим отделом, и о нем я могу без ограничений утверждать, что он был действительно приличным и человечным. Вовсе не потому, что он тайком делился едой с различными арестантами, нет, но исходя из всего его поведения по отношению к нам. Когда он говорил с нами, мы чувствовали, что он рассматривал нас как равноправных. Он обсуждал с нами исторические и философские темы в такой форме, которая заставляла нас забывать, что мы были 'заключенными', а он нашим 'господином'.

Мы были такими же, как он, и вели себя так, как будто мы собрались на прием в салоне его виллы. Концлагерь в такие моменты отодвигался на далекое, туманное удаление».

Страница 34:

«Но также и все остальное 'организовывалось'. Заключенные, которые работали на бойне СС, приносили колбасы и другие мясные изделия, продажа которых, естественно, происходила только в обмен на сигареты. Или писари блока указывали при получении ежедневного хлебного пайка количество людей большим, чем оно было в действительности. Наш писарь блока так приписывал почти сто человек».

Страница 34:

«В лагере 'организовывалось' все, что не было накрепко привинчено или прибито.

Они (раппортфюреры) открывали шкафы привилегированных заключенных и находили там в большинстве случаев значительное количество сигарет, водку, шоколад и другие

хорошие вещи.

Одна команда, институт гигиены в Райско, подарила на Рождество 90 килограммов макарон заключенным, которые работали у них».

Страница 35:

«Также на Рождество у него выпили необычайно много коньяка, и коньяк не был дешевым. Бутылка стоила от 700 до 800 сигарет.

Откуда же у Курта Вебера, старосты блока 13, могло быть так много сигарет? Курт Вебер был подлым типом. Вебер всегда утверждал, что он-де был коммунистическим депутатом Ландтага Тюрингии, но в лагерь-то он прибыл с зеленым треугольником (=знак уголовных преступников)».

Страница 36:

«Для меня Хёсслер (начальник лагеря) был проблемой. Невообразимо, что тут приходилось иметь дело с кем-то, кто не следовал бы привычной традиции СС и оставался — вопреки его профессии — человеком.

Старый эсэсовец, который вел себя так по-отцовски по отношению к нам — из чистой человечности?

Он разрешил евреям даже посещение кино, которое было ранее им строго запрещено».

Страница 37:

«Конечно — Освенцим располагал кинотеатром, а также еще и борделем.

В блоке 24а от 10 до 12 женщин работали 'профессионально'».

Страница 38:

«В лагере был также оркестр, причем даже отличный, собранный из польских заключенных».

Страница 38:

«Во второй половине дня в воскресенье оркестр на площади перед кухней играл для арестантов легкую музыку.

Хёсслер (начальник лагеря) сделал еще один шаг в стремлении сделать нам жизнь настолько приятной, насколько возможно. Он разрешил формирование кабаре и скоро у нас ежедневно были развлекательные мероприятия. Одним вечером киносеанс, одним вечером действительно отличные концерты, и еще одним вечером кабаре».

Страница 40:

«Теперь в Освенциме действительно можно было хорошо жить. Мы брали себе легкую работу и капо отводили взгляд в сторону, когда мы лентяйничали, еды у большинства из нас было вдоволь, одни получали ее через 'организацию', другими достаточное количество супа дарили те, которые больше не хотели есть арестантский суп. Голод больше не господствовал».

Страница 44:

«За несколько дней до 19 сентября американские самолеты бомбили Освенцим. В здании, которое служило казармой СС, работала команда 'швейной мастерской'. Несколько сотен сапожников и портных. Это здание было поражено несколькими бомбами, и 60 заключенных погибли».

Страница 49:

«Он (начальник лагеря Хёсслер) просил нас, чтобы мы объявили в лагере, что с сегодняшнего дня у каждого арестанта есть право обращаться к нему просто на лагерной дороге, если у него была причина для какой-либо жалобы».

Страница 51.

«Мы были проинформированы о политическом и военном положении в такой степени, в которой немецкие газеты, на некоторые из которых мы могли подписываться и читать, соизволили сообщать о нем».

Страница 65:

«Шлойме и Янкель раньше работали в дезинфекции, команде, в которой почти ничего не нужно было делать.

Предметы одежды и белья, которые приходили с транспортами, нужно были помещать в дезинфекционные устройства и ждать, пока они не были продезинфицированы. Кроме того, эта команда была отличным 'организационным источником'. Они выбирали себе лучшие предметы и распродавали их. Оба однажды показали мне свои шкафы, и я очень удивился вещам, которые лежали там. Шпик, ветчина, самые лучшие салями, лучшие английские пироги, швейцарские сыры в коробках, сардины в масле, свежие яйца, кофе в зернах, настоящий черный чай — короче, вещи, которые вне лагеря знали только лишь по названиям — которые, однако, должны были еще иметься в наличии, так как иначе откуда бы они их взяли…»

Шпрингеру не нужны никакие свидетели

23 февраля 1974 года в газете «Гамбургер Абендблатт» было опубликовано следующее маленькое объявление: Поиск очевидцев казней газом в концлагерях.

Carlus Baagoe, 2 Гамбург 39, Wessetyring 63.

Мы также ищем их. Ни мы, ни господин Баагое их не нашли. Все же, господин Баагое не опускал руки. 16.3.1974 он попросил «Гамбургер Абендблатт «напечатать следующее объявление: Ищем дальнейших опровергателей лжи о казнях газом. Карлус Баагое, Гамбург 36, Wesselyring 63.

Ответ издательства Акселя Шпрингера на это: Мы опубликовали объявление от 23 февраля, так как мы исходили из того, что Вам нужны свидетели для требований компенсации от государства. Однако из нового текста объявления мы узнаем, что Вы преследуете совсем другое намерение, и поэтому наше издательство считает себя не в состоянии опубликовать новый текст объявления. Подпись Янцен.

Почему же только издательство Акселя Шпрингера не заинтересовано в том, чтобы разыскивать очевидцев массовых убийств с помощью газа. Если же такие свидетели есть, то как раз это издательство должно было быть заинтересовано, все же, в том, чтобы сообщения о массовых казнях газом были также подтверждены свидетелями.

Насколько все же был прав Джон Суэйтон, многолетний издатель газеты «New York Times», с его тостом: «Свободной прессы не существует. Вы, дорогие друзья, знают это, и я точно так же знаю это. Ни один из Вас не решился бы высказать свое мнение честно и открыто. Бизнес публициста скорее состоит в другом: Разрушать правду, прямо-таки лгать, искажать, клеветать, ложиться к ногам богатства и снова и снова перепродавать себя и страну, и свою расу ради ежедневного куска хлеба. Мы — инструменты и послушные орудия крупных финансистов за кулисами. Мы — марионетки, которые прыгают и танцуют, когда их дергают за проволоку. Наше мастерство, наши способности и даже наша жизнь принадлежат этим людям. Мы — не что иное, как интеллектуальная проститутка».

Из «Крестьянства», июнь 1974 года

Письма читателей

1

Ваша брошюра «Ложь об Освенциме» ломает новое немецкое табу. Сопоставить пропаганду немецких преступлений с правдой — это пока еще попытались лишь немногие.

Мнимые немецкие военные преступления, вместе с мнимыми немецкими планами мирового господства, — это не только основание направленной на компенсации немецкой послевоенной политики. Табу преступного характера национал-социализма также подвергается сильной атаке в Вашем произведении.

Тем самым даже враждебное отношение держав-победительниц к Германии лишается морального обоснования.

Конечно, Вы дали «Михелю с нормальным благосостоянием» слишком много материала, чтобы он смог это легко проглотить, но все же Вы правы.

У меня нет личных знаний — как у Вас — и я занялся литературой о «мировых агрессивных планах нацистов» и «окончательным решением еврейского вопроса» (6 млн. якобы убитых газом евреев). При этом я установил, что речь идет при этом большей частью об односторонней предвзятой пропаганде, которая в плюралистическом обществе вовсе не должна законным образом соответствовать правде.

Остаются, например, при якобы 6 миллионах убитых евреев, некоторые немногие свидетельские показания, например, Хёсса и Хёттля, среди которых необычно много агентов и «участников сопротивления» и которым противостоят показания под присягой многих «нацистов».

То, что они сообщают об Освенциме, находит — по отношению ко всему «окончательному решению еврейского вопроса» — примечательную параллель в показаниях имперского министра Ламмерса перед «Нюрнбергским трибуналом».

Вольф Дитер Роте, 6000 Франкфурт-на-Майне 50

2

Показания имперского министра доктора Ламмерса перед Нюрнбергским трибуналом, том ITM XI, страница 61:

Об окончательном решении еврейского вопроса я впервые узнал в 1942 году. Тогда я узнал, что фюрер якобы через Геринга

отдал приказ обергрупперфюреру СС Гейдриху о решении еврейского вопроса. Я не знал более подробное содержание этого поручения и вследствие этого, так как это не входило в мою компетентность, сначала я вел себя недоброжелательно, но когда я захотел узнать что-то, я, само собой разумеется, должен был связаться сначала с Гиммлером и спросил его, что нужно понимать все же, собственно, под окончательным решением еврейского вопроса. Тогда Гиммлер ответил мне, что у него было поручение фюрера осуществить окончательное решение еврейского вопроса, и соответственно Гейдрих и его преемник получили этот приказ, и этот приказ состоял по существу в том, что евреи должны были эвакуироваться из Германии. Меня сначала успокоило это объяснение, и я вел себя выжидающе, так как я принял такой ответ. Я теперь как-нибудь, у меня не было компетентности, я получил бы что-нибудь в этом вопросе от Гейдриха или от его преемника Кальтенбруннера. Так как теперь ничего не поступало, я хотел сам осведомиться об этом и также еще в 1942 году вызвался на доклад у фюрера, после чего фюрер сказал мне, да, это правильно, он отдал Гиммлеру приказ об эвакуации, однако, он во время войны больше не желал докладов об этом еврейском вопросе.

3

Это странно, но если однажды хорошо подумать, то Ваше сообщение гораздо правдоподобнее, чем все прежние газетные и телевизионные сообщения об Освенциме. Ваша книга вызвала у меня очень много размышлений. Я верю Вам, но я, к сожалению, не могу громко говорить об этом, так как я — почтовый служащий.

Имя и адрес известны

4

«Я благодарю Вас за отправку номера «КРИТИКИ», номер 23, «Ложь об Освенциме», и позвольте мне выразить Вам мое глубокое уважение за его содержание.

Мне давно известно или всегда было известно, что обвинения против Германии и нашего народа нужно понимать как огромные раздутые преувеличения с целью навсегда заклеймить наш народ как илотов.

Но новым для меня было то, что Вы сами можете

высказываться об этом как правдивый свидетель».

Грот, Гросс-Райде

5

Большое спасибо за передачу содержательных документов, особенно «КРИТИКИ» Номер 23, «Ложь об Освенциме». Содержание поистине потрясает. Является ли все это действительно большим обманом? Все же, пожалуй, теперь ясно, что борьбу против мирового еврейства нужно вести открыто. Очень по-деловому, без ненависти. Нравственное превосходство белого человечества над восточным «плавильным тиглем», смесью из африканской, азиатской и европейской субстанции, должно победить…

Будет нелегко сломить еврейское высокомерие: «Мы — самая могущественная нация мира. Что бы ни происходило, нужно использовать политическое давление. У нас есть власть, и мы умеем применять ее». Основание — это деньги и ложь.

Доктор Г. А. Вислиценус из Вестербурга

6

Пятнадцать лет нам врали о казнях газом в Дахау, Бухенвальде и Берген-Бельзене. Когда эта лживая конструкция жалко обрушилась, нам продолжали лгать об убийствах газом в Освенциме и т. д. Для меня являлся установленным: «Кто однажды солгал, тому не верят». Первым подтверждением моего подозрения было обращение с Рассинье полицейских Хёхерля по случаю Освенцимского процесса во Франкфурте-на-Майне. (Тогда Хёхерль еще был министром внутренних дел ХДС). Вторым подтверждением для меня была официальная публикация Сенатом США «Дневников Моргентау». Попытку распространять среди народов ужасы Освенцима уже в ноябре 1944 года Моргентау и Стимсон быстро бросили, когда американский репортер Шютте начал «копаться» в этой истории. После капитуляции препятствий для лжи больше не было. Третьим подтверждением для меня является Ваша книга. Для меня сегодня нет больше никаких сомнений, что Освенцим — это как раз такой же обман, как и Дахау. Я благодарен Вам.

Доктор Герд Петер, Хайкендорф

7

В Вашем сообщении об Освенциме Вы отобразили Ваш личный опыт. Это Ваше полное право. Можно было оценить это также как опровержение к невероятным другим сообщениям.

Также это зафиксированное в законах о печати право. То, что бывшие офицеры СС, которые действовали в Освенциме, узнали «неопровержимую правду» только от наших «перевоспитывателей» — и они им верили — может, вероятно, быть связано с временем их страданий в лагерях для интернированных.

Имя и адрес известны

8

Ложь — это сильное оружие на войне. Геббельс, так говорили мне, обманывал немецкий народ или, во всяком случае, не всегда говорил правду. Однако англичанин был искуснее во лжи. Он обманул немецкий народ — своего врага. Мы поверили в эту ложь, и мы верим в эту ложь еще сегодня. Все же, одновременно мы должны теперь констатировать, что, все же, Геббельс в очень многих из его высказываний и пропаганды являлся правым. С этим вынужден был согласиться даже Черчилль с его оценкой: «Мы зарезали не ту свинью». Англия принадлежит к великим проигравшим последней войны — именно так, как это прогнозировал Геббельс.

Читатель из Швейцарии, имя и адрес известны

9

Я даже думаю, что на этот раз мир проснется. Это может привести, вероятно, даже к действительно бесцеремонному всемирному отвержению этих вечных склочников, подстрекателей и лжецов. Пройдите однажды по улицам мира, например, по улицам Бразилии. Народ покажет Вам тогда его негодование от того, что ему еще и сегодня, т. е. спустя поколение после последней мировой войны, снова и снова подают эту провокационную чепуху, которая протежируется также здесь еще несколькими газетами — естественно, за хорошие деньги — и так до сегодняшнего дня. Позавчера мы читали: «Гитлеру нравилось, когда девушки ему испражнялись на лицо и на голову…» Ну, что мы тут должны сказать?? Мы должны помогать поддерживать на плаву эту тему даже с возможными хорошими исправляющими контраргументами?? Во время войны я читал, что Геринг в Египте

развлекался с древними мумиями…

Альфред Винкельманн, Итатиайя/Бразилия

10

Во что превратились люди? В рабов и слуг. Они приветствуют победителей возгласами ликования — даже если это наши враги. Естественно, что они та же приветствовали бы возгласами ликования и нас, если бы мы как победители возвратились домой. Мы не победили, так как нас предали. Сегодня предатели — это герои, а на нас плюют. Германия, родина, как низко ты опустилась. Но, тем не менее, я люблю тебя и не могу отказаться от моей веры в тебя, несмотря на все то, что произошло.

Бывший солдат Ваффен-СС

11

Сообщение о моих личных впечатлениях от концлагеря Освенцим в 1944 году.

Побужденный ставшими известными мне в этом году сообщениями участкового судьи доктора фон Бризена и бывшего капитана Надольски о концлагере Берген-Бельзен я решился записать также мои собственные впечатления от концлагеря Освенцим, которые я получил во время нескольких посещений этого лагеря в 1944 году. Я сразу подчеркну, что я вызвал в памяти эти впечатления не только теперь или, например, на основании т. н. Освенцимского процесса, но я размышлял над этими вещами, с тех пор как после несчастного исхода войны снова и снова распространялись самые невероятные описания о немецких концлагерях. Я в беседах с самыми различными людьми об этой теме снова и снова возвращался к этим моим впечатлениям, по существу, в таком виде, как я здесь записываю их. Несколько таких бесед в моем кругу коллег в 1965 году привели к тому, что один из участников донес на меня в судебный орган как на «неофашиста». Тем не менее, я должен был также при дисциплинарном процессе придерживаться моего описания, так как оно соответствует истине. Однако мне не поверили; только признали, что я был «введен в заблуждение в этом отношении».

В 1944 году я был офицером-ординарцем в штабе 12-го зенитно-артиллерийского дивизиона воздушно-десантных войск. Мое подразделение с середины июля до примерно середины

сентября располагалось поблизости концлагеря Освенцим для защиты промышленных сооружений, в которых работали также заключенные лагеря. Штаб дивизиона располагался в маленькой деревне Осиек, которая лежала недалеко от Освенцима. Мы получали наше продовольственное снабжение в течение этого времени — во всяком случае, частично — из складов концлагеря, где была, среди прочего, и своя бойня, и собственная пекарня. Я со служащим, ответственным за продовольственное снабжение, и с адъютантом нашего дивизиона неоднократно бывал в лагере, первый раз с целью достижения более близких договоренностей о регулировании продовольственного снабжения нашего дивизиона. Другой раз нас официально пригласили для осмотра концлагеря. В целом я, насколько я помню, был в лагере три или четыре раза. Ни при каком из этих посещений я не видел устройств для казней газом, печей для кремации, орудий пыток или похожих ужасных вещей. Лагерь произвел на меня впечатление ухоженного, что позволяло сделать вывод о его замечательной организации. В нем наряду с уже упомянутыми ремесленными производствами были еще другие, как например, сапожная и пошивочная мастерские. Для размещения заключенных были предусмотрены большие бараки, которые все были оснащены кроватями. В ремесленных производствах были заняты, впрочем, исключительно заключенные. Этот лагерь по-своему напомнил мне о лагерях военизированной трудовой повинности, в котором я отрабатывал мою полугодовую трудовую повинность, только что он был, естественно, существенно больше.

Ни при каком из моих посещений я не мог заметить, что с заключенными, если они присутствовали в лагере (это были работавшие в отдельных предприятиях лагеря или те, которые были откомандированы для поддержания чистоты в лагере) обращались плохо или тем более бесчеловечно. Это мое впечатление необычно совпадает с тем, которое получил господин фон Бризен относительно концлагеря Берген-Бельзен. При одном из моих посещений я даже видел, что из работавших в бюро руководства лагеря заключенных-женщин — судя по их внешнему виду речь шла о еврейках — каждая получила по одной бутылке молока на своем рабочем месте. Никто из арестантов не вел себя так, как будто они боялись истязаний, или тем более смерти.

С последней точки зрения в моей памяти особенно запечатлелась одна встреча с заключенными. Когда я однажды вечером с несколькими приятелями стоял поблизости от лагеря, мы наблюдали длинную колонну арестантов, которые возвращались в лагерь с работы на промышленных предприятиях.

Их сопровождало сравнительно немного эсэсовцев, причем пожилых, — и они производили действительно недисциплинированное впечатление. Они громко беседовали и при этом также смеялись. Два или три арестанта подходили, когда они видели нас, из походной колонны, становились перед нами, расстегивали брюки и мочились. При этом они ухмылялись в нашу сторону. Хотя это можно было понять только там, что они хотели продемонстрировать этим нам свое презрение, сопровождающие эсэсовцы вообще, не обращали внимания на это. Всякий раз, когда мне позже приходилось слышать что-то о якобы постоянном страхе смерти в концлагере, я должен был думать об этом инциденте. Так не ведут себя люди, которые находятся под постоянной угрозой смерти!

Наконец, я еще могу свидетельствовать, что немецкому населению, которое жило в Осиеке, ничего не было известно о возможных ужасах или тем более о массовых уничтожениях в концлагере. Во всяком случае, никто мне тогда ничего такого не рассказывал.

Дополнительно я укажу еще на следующее: В музее концлагеря Дахау находится фотография с подписью «печи для кремации в Освенциме». Я думаю, что узнал там печи пекарни, которые показывал нам один заключенный во время работы пекарни.

Доктор юриспруденции Вильгельм Штэглих, 2 Гамбург 50

12

В течение примерно 8 недель моего откомандирования я хорошо познакомился как с концлагерем Освенцим, так и с тогдашним комендантом лагеря оберштурмбаннфюрером СС Бэром. Много лет спустя его нашли в Шлезвиг-Гольштейне, после чего он умер в следственной тюрьме — или был вынужден умереть. Насколько я помню, он был фронтовым офицером и был переведен на службу в лагерь. Он был разговорчив и признался мне, что не распоряжался собственностью заключенных и не хотел рисковать жизнью и из-за чемодана, о котором я его просил. Между тем я познакомился с одним унтерфюрером, и он тоже подтвердил это, как и то, что если кто-то будет злоупотреблять в обращении с заключенными, то его может ждать штрафной лагерь. За эти недели я узнал, что отдельными специально выделенными группами рабочих руководили только капо, и что именно они могли награждать арестантов пинками. Четырнадцать дней также моя семья была в лагере. Сама по себе

жизнь лагеря проходила спокойно. То, что произошло после крушения и пропагандируется еще сегодня, это преувеличение и клевета на факты. В течение десятилетий продолжается поход по одурачиванию и моральному опусканию в рамках перевоспитания, и он увенчался успехом. Сегодняшняя молодежь ничего другого даже не знает, ее воспитатели гнут спины перед нынешними властителями, красный партбилет имеет для них решающее значение.

Франц Краузе из Дасселя

13

Я счастлив из-за того света, который Ваш рассказ об Освенциме пролил в ужасающую темноту!

Немцы должны быть Вам благодарны за это, но также и евреи не должны воспринимать как несчастье то, что немцы причинили им меньше вреда, чем считалось до сих пор. По существу Ваше свидетельство лучше способствует немецко-еврейскому примирению, чем другие акции!

У. Б. из Ф.

14

Шесть миллионов — это ложь, а убийство ужасно. Сказка о шести миллионах убитых евреев — это ужасная ложь — и каждый, кто распространяет эту ложь — разжигает рознь.

У.Ф. из Б.

Мы просим присылать еще письма, особенно очевидцев, и будем очень благодарны, если мы сможем опубликовать их с именами авторов в следующем номере «КРИТИКИ».

Ваше издательство KRITIK-Verlag

Продолжение следует.

Это только начало. История еще продолжается. Как она продолжается, читайте в сообщении «Обман Освенцима» (серия «Критики», номер 27).

Направленная против немцев разжигающая рознь пропаганда ужасов усиленно продолжается. Вследствие этого наши труды приобретают все большее значение.

«Лживая пропаганда» — Только с чьей стороны?

Открытое письмо доктора Вильгельма Штэглиха

«Международный комитет Красного креста 29 марта 1978
лично в руки господину президенту
7, Avenue de la Paix
Женева / Швейцария

Глубокоуважаемый господин президент!

Передо мной лежит бюллетень номер 25 Вашего отделения прессы и информации от 01.02.1978, в котором под заголовком «Лживая пропаганда» безответственным способом занимаются целенаправленной дезориентацией общественности. Это заявление, которое едва ли можно соотнести с репутацией Международного Красного креста как независимой и нейтральной организации, не может оставаться без возражений.

Сначала нужно задать вопрос, кто или что, собственно, побудило Вас к тому, чтобы вы из года в год характеризовали возрастающие ревизионистские исследования независимых ученых о мнимом геноциде в немецких концентрационных лагерях как «умело составленные памфлеты». Ведь для этого у Вас наверняка отсутствует соответствующая квалификация! Впрочем, Вы очевидно знакомы лишь частично с этой литературой. Самые важные работы, как например, произведения французского историка профессора Рассинье или появившуюся в прошлом году книгу американского профессора доктора Артура Батца «The Hoax of the Twentieth Century», Вы даже не упоминаете, во всяком случае.

Так что же дает Вам право в дальнейшем немецкие концентрационные лагеря сразу обозначать как «лагеря смерти»? Откуда Вы черпаете это свое «знания», собственно говоря, что там якобы происходил «планомерный геноцид»? Ведь сведения в упомянутой Вами самими документации Вашей организации «Деятельность МККК в пользу заключенных в немецких концентрационных лагерях гражданских лиц (1939–1945)» скорее доказывают противоположное! Эта документация показывает, кстати, в нескольких местах, что немецкие лагеря были образцово оборудованы. Многочисленные немецкие солдаты — в том числе также я — были бы рады, если бы они смогли жить как

военнопленные в таких же лагерях. Хотя, во всяком случае, наша судьба после немецкого поражения ничуть не интересовала Вашу организацию!

Может быть, что Ваши делегаты получили доступ во многие концентрационные лагеря только в начале 1945 года. Но в Освенциме, якобы самом большом «лагере смерти», одна из Ваших делегаций побывала самое позднее уже в сентябре 1944 года, о чем снова свидетельствует Ваша собственная документация. Тогда делегаты не смогли обнаружить там ни газовых камер, ни регистрировать мнимые сопутствующие явления утверждаемых массовых уничтожений — таких, как трупный запах и массовые сожжения под открытым небом. Впрочем, публикация доклада делегатов в Освенцим в упомянутой документации содержит, очевидно, пробелы, которые едва ли могли бы содержать что-то невыгодное для немецкой стороны. Для общественности наверняка было бы интересно однажды познакомиться с несокращенным докладом.

«Газовая камера» упоминается в докладе лишь делегацией в Дахау. Между тем, она уже давно исторически безупречно разоблачена как обман. Когда Вы думаете это исправить, собственно?

И почему Вы, собственно, умалчиваете в Вашем бюллетене номер 25, в чем была причина, что Международный Красный крест уже в начале войны не мог позаботиться о концентрационных лагерях? Согласно Вашей документации виновны здесь однозначно союзники — противники Германии. Для деятельности МККК в пользу интернированных гражданских лиц в свое время отсутствовало международно-правовое соглашение, которое гарантировало бы взаимность. Ваша попытка достигнуть такого соглашения потерпела неудачу, как известно, из-за позиции союзников. Только правительство Германской империи объявило о своей готовности откликнуться на Вашу инициативу тогда путем проведения соответствующих международных переговоров.

Точно так же как другие государства саботировали все предложения имперского правительства по разоружению и лично стимулированный Гитлером запрет воздушной войны против гражданского населения, так случилось тогда и со стимулированным Вашей организацией уходом за интернированными гражданскими лицами со стороны Красного креста. Даже больше: противники Рейха затрудняли Международному Красному кресту — как следует из Вашей документации дальше — даже отправку посылок в концентрационные лагеря, что имперское правительство, как

известно, разрешило по гуманитарным причинам, а именно без того чтобы было гарантировано соответствующее поведение со стороны противника! Так кто же, ввиду этих фактов, нарушал заповеди гуманности?

О числах потерь нельзя спорить, если не сознавать, из-за чего Вы теперь внезапно ограничиваете Ваши прежние сведения о еврейских военных потерях или полагаете себя обязанными совсем оспаривать их. Также здесь можно было снова спросить: Кто принуждает Вас к этому? Не заставляет ли это подумать также Вас, что число еврейских просьб о компенсации уже в 1965 году превзошло количество тех евреев, которые вообще когда-нибудь жили в Германии и на оккупированных немцами территориях, если статистические факты Харвуда правдивы («Did Six Really Die?», страницы 6 и 28)?

Международный Красный крест действительно должен был ради своего реноме как можно скорее пересмотреть свою установку на сионистское распространение пропаганды ужасов. Было бы очень желательно, если бы Ваша организация предприняла эффективные шаги для освобождения всех жертв послевоенной террористической юстиции иностранных и, к сожалению, также немецких судов, символом которых может служить имя старого мученика Рудольфа Гесса, и, кроме того, также в соответствии со своими гуманитарными целями, наконец, выступила бы против одностороннего преследования предполагаемых немецких «военных преступников» спустя 33 года после окончания боевых действий.

В надежде на то, что мое напоминание может упасть у Вас на плодородную почву, я приветствую Вас

С глубоким уважением

подписано. Доктор Штэглих

Копии:

Deutsche Presse-Agentur, Hamburg Associated Press, Hamburg

Der Spiegel, Deutsches Allgemeines Sonntagsblatt,

Die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Die Welt и другие.»

Ответ Комитета Международного Красного креста:

Женева, 28 апреля 1978 PV/gr

Глубокоуважаемый господин доктор Штэглих,

К сожалению, мы не смогли быстрее ответить на Ваше письмо от 29 марта 1978, так как ответственные редакторы отсутствовали (каникулы — миссии).

Вначале мы хотели бы подчеркнуть, что у нас есть большая часть книг, которые были написаны о драме депортации — как тех, о которых Вы упоминаете, так и других, которые рассматривают эту тему под другим аспектом.

Каждый исторический факт станет поводом для научных анализов, их выводы, естественно, разные, обусловленные привязанностями автора к той или другой затронутой стороне или его личным темпераментом. Роль МККК не в том, чтобы после этого заниматься собственной интерпретацией событий; его роль состоит в том, чтобы вмешиваться в момент даже в пользу жертв без различия их происхождения и их количества. Когда наши делегаты смогли приблизиться, наконец, к арестантам, они не заботились о том, чтобы узнать, стоит ли напротив их воинственный коммунист, польский священник или еврейский портной, и речь шла не о том, чтобы разузнавать их количество.

Что касается первого контакта с депортируемыми, то Вы ошибаетесь в Вашем высказывании, что делегация могла посетить лагерь Освенцим самое позднее в сентябре 1944 года. Наш доклад точно показывает, что нашего делегата допустили только до бюро коменданта.

Тем не менее, мы хотели бы не останавливаться на подробностях, а приступить к корню проблемы и к причине нашего недоразумения. Вы сами пишете в последнем абзаце Вашего письма:

«О числах потерь нельзя спорить, если не сознавать, из-за чего Вы теперь внезапно ограничиваете Ваши прежние сведения о еврейских военных потерях или полагаете себя обязанными совсем оспаривать их. Также здесь можно было снова спросить: Кто принуждает Вас к этому?»

Сначала мы хотели бы выразить наше удивление, что человек с Вашим уровнем образованности мог пасть жертвой лживой пропаганды — Вы можете установить, что это прилагательное не слишком жестко, — пропаганды, которую мы разоблачили в нашем бюллетене от 1 февраля. У нас как раз есть текст, который цитируется уже 20 лет в связи с обсуждающейся кампанией. Мы прилагаем его к этому письму, чтобы показать Вам, что наше заключение основывается на прочном фундаменте. Соответствующая статья была опубликована газетой «Die Tat» от 19 января 1955 года и дает обзор вызванных Второй мировой войной людских потерь и упоминает как общее число немцев — евреев или неевреев — которые стали жертвой политического или расового преследования, в количестве 300.000 человек. Вы найдете их в прилагающейся немецкой газете «Unabhängige Nachrichten», которая, пользуясь той же статистикой, тоже

публикует эту же цифру.

Вы придете к выводу, что Вы утратили ее настоящий смысл, так как примечание «немцы» было тщательно удалено, чтобы можно было подумать, что речь идет о совокупности жертв любого происхождения, и чтобы придать большую достоверность этому подлогу, ответственность за него приписывают «Международному Красному кресту в Швейцарии».

Только что нам в руки попала статья, которая, вероятно, представляет первое звено этой цепи подделок и самых бессовестных искажений фактов. Речь идет о газете «Cannstätter Zeitung» от 12.05.1956. Убедитесь сами.

На основе махинаций этого вида (мы обладаем и другими примерами) на нас хлынул поток писем, которые в большинстве случаев были написаны людьми доброй веры в надежде узнать что-то успокаивающее о самом мрачном времени в их истории.

В течение долгих лет мы терпеливо отвечали каждому из этих авторов писем, не объявляя публично нашу позицию, до дня, когда мы пришли к выводу, что это неразглашение сами фальсификаторы рассматривали в качестве признания или трусости (именно «Независимые сообщения»).

МККК не может терпеть, что его имя используется для того, чтобы мошенническим образом представлять как достоверные тезисы, которые он сам никогда не выдвигал.

С самым глубоким уважением

подписано. П. Вильбер

Руководитель отдела публикации и документации

P.S. Копия этого письма рассылается газетам и агентствам, которые получили Ваш текст».

К этому письму приложены фотокопии из газет «Die Tat» от 19.1.55, «Cannstätter Zeitung» от 22.05.1956 и из «Независимых сообщений» 10/75, или перепечатка оттуда, которая воспроизводит сообщение «Cannstätter Zeitung» За цифру 300.000 свидетельствуют следующие тексты:

«Die Tat»:

> «В тюрьмах, концентрационных лагерях, и т. д. с 1939 по 1946 умершие немцы, включая немецких евреев, как последствие политических, расовых или религиозных преследований 300.000»

«Cannstätter Zeitung»:

> «Количество погибших в концлагерях и тюрьмах жертв расового и политического преследования 300.000»

Нужно обратить внимание, что «Cannstätter Zeitung» в ее статье также напечатала следующее предложение:

> «С другой стороны, Красный крест указывает потери восточно-европейских и юго-восточно-европейских государств — без Советской России — в размере 8 010 000 человек». И дальше: «Это огромная цифра, в которую определенно включены много польских, венгерских и румынских евреев».

О «подлоге» не может быть и речи! Нужно было скорее поставить вопрос, действительно ли МККК разделял жертвы концлагерей по национальностям. Если да, то должны были быть указаны и жертвы концлагерей других национальностей, а не только немцы! Кроме того, декларация о преследуемых по «расовым, политическим и религиозным мотивам», по меньшей мере, дезориентирует! В это количество включены, все же, также и опасные преступники, асоциальные элементы и гомосексуалисты — и, очевидно, подавляющим большинством — или также здесь МККК мог отдельно представить эти цифры…

Ответ доктора Вильгельма Штэглиха:

7 мая 1978

Касательно: Ваш бюллетень номер 25 01.02.1978 и мое связанное с этим Открытое письмо: Ваше письмо от 28.04.1978.

29.03.1978.

Глубокоуважаемый господин Вильбер!

Ваш ответ на мое направленное господину президенту Вашей организации Открытое письмо содержит относительно произошедших во время Второй мировой войны депортаций евреев дословно следующую констатацию:

«Роль МККК не в том, чтобы после этого заниматься собственной интерпретацией событий; его роль состоит в том, чтобы вмешиваться в момент даже в пользу жертв без различия их происхождения и их количества».

Я соглашусь с этим. К сожалению, однако, Вы сами не придерживались этого в публикации, на которую я пожаловался. Именно это ведь и стало причиной для моего Открытого письма! Все же, от Вас не может ускользнуть, что я с этим письмом выступал, прежде всего, против наглого незаконного притязания Вашей якобы нейтральной организации на то, чтобы представлять антинемецкую ужасную ложь как исторические факты.

Характерно, что Вы полностью игнорируете этот настоящий

повод для моего письма. О посещении Освенцима Вашей делегацией в сентябре 1944 года Вы замечаете, что эта делегация была якобы допущена только «до бюро коменданта». Ну, как раз из опубликованного дословного текста соответствующего доклада это ни в коем случае не следует так однозначно, несмотря на то, что в этом докладе — что я уже упоминал в моем Открытом письме — очевидно, обнаруживаются пропуски. Также сформулированное Вами в этой связи утверждение, что при посещении Освенцима в сентябре 1944 года речь шла о «первом контакте с депортируемыми», не соответствует действительности. Уже раньше у МККК был, например, также доступ в лагерь Терезиенштадт.

Вместо того, чтобы разбираться с настоящим содержанием моего письма, Вы написали много слов о проблеме, которую я упомянул только на полях и ни в коем случае не считаю ее особенно важной. Я также ни в коем случае не хочу оспаривать Ваше право защищаться от якобы напрасно приписанных Вам цифровых данных. Ваше утверждение, что указания о потерях в концентрационных лагерях в швейцарской газете «Die Tat» от (1) 9 января 1955 были позже лишены пропуском слова «немцы» их настоящего смысла, однако, не могут убедить. Ничто не говорит о том, что информация газеты «Die Tat» могла быть более правильной чем, например, информация газеты Cannstätter Zeitung от 12 мая 1956, которая указывала общее число всех умерших в концлагерях как 300.000 человек. Однако Cannstätter Zeitung могла бы считаться более достоверной хотя бы поэтому, что служба розыска в Арользене — немецкий филиал Вашей организации — засвидетельствовала в отчете о своей деятельности в 1974 году в целом только 351.760 зарегистрированных умерших в концлагерях, что может рассматриваться как логичное продолжение упомянутого в газете Cannstätter Zeitung в 1955 году числа. Затем недавно распространенное по радио утверждение, что фактическое число умерших в концлагерях существенно выше, не подтверждено ни одним надежным источником. Вы знаете это, наверное, точно так же как я.

Впрочем, цифры из Cannstätter Zeitung и службы розыска в Арользене могли быть скорее завышенными, чем заниженными, так как нужно исходить из того, что, например, заявленные родственниками или друзьями как «умершие» бывшие депортированные могли в действительности продолжать жить после войны под другим именем и в другой стране, и что только уже взаимные сообщения о пропавших без вести удвоили бы число исходящих из этого случаев смерти (ср. на эту тему «The

Hoax of the Twentieth Century» Артура Батца, страница 242 и далее).

Что разные сообщения в печати о случаях смерти в немецких концентрационных лагерях восходят к Вашей информации, Вы могли бы представить только по сообщению Вашей собственной тогдашней информации для прессы, которое я жду с большой охотой. От кого еще могла бы пресса получить хорошую информацию, если не от МККК?

В заключение я хотел бы выразить надежду, что Вы, по крайней мере, в будущем будет придерживаться Вашей собственной максимы, упомянутой в третьем абзаце Вашего письма мне от 28 апреля: больше не давать «собственной интерпретацию событий». Мы, немцы, уже не готовы больше беспрекословно воспринимать произведенную на свет сионистскими империалистами ужасную ложь о нашем народе — и уж менее всего от организации, выдающей себя за «нейтральную»!

С глубоким уважением!

Подписано: Доктор Штэглих

P.S. Рассматривайте, пожалуйста, также это письмо в качестве Открытого письма».

Эта переписка была опубликована впервые в журнале «Думай с нами» (Denk mit), Elsa-Brandström-Straße 1, Нюрнберг.

Пожалуйста, помогите распространить это произведение в народе!

Как Вы можете помочь?

Если у Вас есть деньги, переводом на наш почтово-сберегательный счет: Гамбург 1708 02-205 (NORDWIND, D-2341 Mohrkirch).

Если Вы не можете поддержать нас в финансовом отношении, то Вы можете, вероятно, помочь нам, назвав нам адреса, по которым мы пошлем эту работу с Вашей рекомендацией.

VKLs 6/78 решение суда земли Фленсбурга

2 Js 185/77 о конфискации печатного произведения «Ложь об Освенциме»

По причине разжигания розни

Пятое отделение по уголовным делам суда земли во Фленсбурге по предложению прокуратуры в лице судей Хартвига, Шмидт-Брэсса и Бауманна

22 сентября 1978 приняла решение о:

конфискации всех экземпляров печатного произведения «Ложь об Освенциме» — сообщения Тиса Кристоферсена с предисловием адвоката Манфреда Рёдера.

Причины:

В феврале 1973 года в издаваемой «Deutsche Bürgerinitiative e.V.» печатной серии под номером 2 было издано печатное произведение «Ложь об Освенциме». Следующие издания последовали в сентябре 1974 и октябре 1975 года. Пять изданий печатного произведения были изданы как номер 23 в издательстве «Критика» в 2341 Моркирхе.

Печатное произведение содержит написанное участником конфискации Тисом Кристоферсеном «сообщение», к которому адвокат Манфред Рёдер написал предисловие.

В «отчете» Кристоферсен среди прочего утверждает, что «сказка о шести миллионах убитых евреев» не может быть правдивой. По статистическим документам в 1948 году во всем мире жило 18,7 миллионов евреев и тем самым существенно больше, чем в 1936 году (15,6 миллионов) Согласно выводам ООН во время Второй мировой войны тоже погибло только 200 000 евреев. Один австрийский еврей, с 1938 до 1945 года пребывавший в различных концентрационных лагерях, в том числе три года в Освенциме, заявлял, что он ни в одном из лагерей не видел газовую камеру. Бэр, бывший комендант Освенцима, никогда не отказывался от своих слов, что в этом лагере не было никаких газовых камер. Он сам, Кристоферсен во время своего пребывания в Освенциме также не заметил даже самых незначительных признаков массовых убийств газом. После войны по телевизору было показано расположенное вблизи главного лагеря здание с большой дымовой трубой и обозначено как крематорий. При оставлении лагеря в декабре 1944 года он еще не видел это здание; у него есть подозрение, что эти строения были построены только после войны. Несколько прежних заключенных, по его словам, были готовы выступить свидетелями защиты в пользу обвиненных офицеров СС; тем не менее, их едва ли допустили бы к процессу.

К этому «сообщению» адвокат Манфред Рёдер написал предисловие, в котором среди прочего говорится:

«Как охотно я оставил бы в покое прошлое, если бы все стороны обещали взаимное прощение и забвение. В любой другой стране преследование за военные преступления сразу было запрещено. Зато предполагаемые преступления немцев не только преследовались самым жестоким способом и в обход всех

международных правовых принципов, но и принцип срока давность за так называемые немецкие военные преступления или геноцид определенно был отменен, чтобы можно было мстить немцам до дня Страшного суда. Премьер-министр Израиля Голда Меир сообщила с недвусмысленной ясностью, что никогда не будет «абсолютно нормальных отношений между Германией и Израилем». Как можно оставить в покое прошлое, которое ежедневно снова и снова трогают и применяют против нашего народа? Все школы распространяют и дальше ложь об ужасах концлагерей. Так, как раз сейчас под покровительством гессенского премьер-министра в Висбадене в целях пропаганды устроили выставку «Концлагерь Заксенхаузен» с давно опровергнутой ложью. Гессенский министр по делам образования и религии поручил еврейке Ханне Фогт написать книгу о прошлом Германии «Вина или рок», которая появилась уже в одиннадцатом издании и распределяется среди всех выпускников народной школы. Еврейка едва ли сможет объективно рассматривать немецкое прошлое. Однако эта книга — это отличный результат в искажении истории и пропаганде ненависти под видом научности, ее вполне можно считать равноценной с работами агента Коминтерна Вилли Мюнценберга, непревзойденного мастера травли немцев и лживой пропаганды. Нет ни одного принимаемого всерьез документа, который насчитывает общие потери еврейского населения на последней войне выше чем 200.000. То есть, за одну ночь в Дрездене погибло больше беззащитных и невиновных немцев, детей, женщин, стариков и, прежде всего, раненых, чем евреев во всех концлагерях за время национал-социалистического правления! И в общие еврейские потери включены даже случаи естественной смерти. Вместе с тем эти потери в процентах и в абсолютном числе гораздо меньше, чем потери любой другой воюющей страны. И всемирные еврейские организации объявили святую войну вплоть до полного уничтожения Германии уже в 1933 году, когда еще ни одного еврея никто даже пальцем не тронул! И, тем не менее, мир наполнен криками из-за мертвых евреев. Но никто не возвышает свой голос из-за Дрездена и реальных шести миллионов убитых восточных немцев. Ни один голос не поднимается из-за миллионов убитых немецких и европейских военнопленных, которые боролись на нашей стороне. Одна читательница озабоченно спросила его, не скачусь ли я к новому антисемитизму? Но он заботится только о том, чтобы с евреями обращались как со всеми другими, и они не могли бы требовать привилегий. Так как только привилегии и ложь, которая распространяется определенными господствующими в мире

еврейскими кликами, приводят к новому антисемитизму. Эта книга не разжигает ненависть, а служит правде. Теперь выступают свидетели против обвинения в убийстве миллионов невинных людей. Гитлер вовсе не хотел убивать евреев и никогда не отдавал приказ об их искоренении, также не приказывал он искоренять и другие народы. Устройств для убийства людей газом никогда не было. Это все изобретения патологических мозгов. Почти все т. н. судебные процессы по делам военных преступников и процессы о концлагерях были проведены с использованием лжесвидетелей и поддельных документов! Немцы должны были бы ликовать, если сегодня встречаются свидетели, которые могут доказать, что Освенцим не был машиной для массовой смерти. Несмотря на это многие немцы цепляются за немецкую вину. Причина в том, что немцы — мечтатели и по натуре богобоязненные. Поэтому они ищут основательное, религиозное объяснение того, почему после 1945 года они попали в эту беду. Сказка о шести миллионах невинно убитых людей прямо-таки утоляла этот голод по метафизическому объяснению и поэтому за нее и ухватились так жадно. Еще яснее это станет, если это может быть обосновано в библейском стиле: Мы убили не просто каких-нибудь людей, а избранный народ! Да, мы, как одна читательница написала мне дословно, задели зеницу Бога. Какое чудесное объяснение! Теперь они должны каяться за это и вновь обрести кое-что из расположения Бога покорностью по отношению ко всем евреям и денежными компенсациями. Публикация этой брошюры должна вылечить немецкий народ от этой душевной болезни. Не существует избранного народа Израиля, который был бы идентичен с евреями; и не существует, прежде всего, отвергнутого, преступного немецкого народа. Они будут бескомпромиссно бороться против каждого, который поддерживает одну из этих лживых конструкций и тем самым толкает наш народ все глубже в пропасть. Пришло время встать и схватить судьбу за глотку».

Общее содержание этого произведения в случае его распространения подпадает под состав преступления «разжигание розни», предусмотренного параграфом 130 Уголовного кодекса. «Отчет о пережитом» Тиса Кристоферсена и предисловие Манфреда Рёдера, в котором отрицается исторический факт крупномасштабного систематического уничтожения евреев, воздействуют таким образом, который достаточен для того, чтобы нарушить общественный мир, нанести вред человеческому достоинству других людей, в т. ч. путем разжигания ненависти к гражданам еврейской национальности с помощью антисемитской агитации по национал-социалистическому образцу.

Посягательство на человеческое достоинство следует уже из одной идентификации с национал-социалистической основной позицией, которая классифицировала граждан еврейского происхождения как вообще неполноценных и буквально клеймила их принуждением к ношению так называемых звезд Давида (смотри Федеральный суд, приговор от 11.11.1976 — 2 StR 508/76 — касаясь уголовного преследования против Рёдера за его предисловие в печатном произведении «Ложь об Освенциме»).

За изготовление и распространение печатных произведений по причине наступившего за прошедшее время истечения срока давности уголовного преследования определенные люди не могут преследоваться.

Так как здесь меньшее количество решительных мероприятий не учитывалось согласно параграфу 74b абз. 2 УК, нужно было принимать решение соответственно заявлению.

Против этого решения допустима немедленная жалоба. Она должна быть подана в течение одной недели со дня доставки этого решения в суде земли во Фленсбурге в письменном виде или к протоколу бюро; она может также в течение этого срока быть подана при Шлезвиг-гольштейнском верховном суде земли в Шлезвиге.

Хартвиг, Шмидт-Брэсс, Бауманн
Изготовлено: Фленсбург, 26 сентября 1978
Подписано: Вильмзен, судебный служащий отдела документации бюро суда земли

Проснитесь!

Народ, как ты можешь переносить то,
Что тебя представляют преступником?
Что ты виновен в искуплении мира,
В несправедливости, случившейся с ТОБОЙ?

Почему ты, в конце концов, не защищаешься
От этого чертового привидения?
Потому что твое молчание так позорно
И оно только подпирает обман!

Если твоя молодежь стыдится,
Того, что она одной крови,
С кровью, из которой произошли преступники?
Неужели тебе все равно?

Та легенда геноцида
Иначе последует за тобой в вечность.
Твои руки беспорочные,
Как бы ни кричала ложь.

Начни спасать себя самого!
Без борьбы ты не освободишься!
Если ты не разорвешь цепи лжи,
Тебе останется только рабство!

Рената Шютте